А 199/77. 801-14/851 801-83/18458-6

ПЕРВЫЯ РУССКІЯ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ XVIII ВѢКА

И

участіе русской женщины въ развитіи народной словесности и древне-русской письменности.

(КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ)

П. В. Владимірова.

Кіевъ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра,
В. І. Завадзкаго. Б.-Васильковск. д. № 29—31.
1892.

ПЕРВЫЯ РУССКІЯ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ XVIII ВѢКА

И

участіе русской женщины въ развитіи народной словесности и древне-русской письменности.

(КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ)

П. В. Владимірова.

Кіевъ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра,
В. І. Завадзкаго. Б.-Васильковск. д. № 29—31.
1892.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій за 1892 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.

38296-0
2011094762

УЧАСТІЕ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ ВЪ РАЗВИТІИ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ, ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ПЕРВЫЯ РУССКІЯ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ XVIII ВѢКА.

Библіографическій Словарь русскихъ писательницъ. *Князя Н. Н. Голицына.* Спб. 1889 г. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1086 -1796). *Е. Лихачевъ.* Спб. 1890 г.

Труды князя Голицына и г. Лихачевой, заглавія которыхъ мы выписали, касаются интересныхъ вопросовъ объ участіи русской женщины въ развитіи словесности и литературы, о грамотности русской женщины въ древней Руси и о началѣ образованія ея въ XVIII вѣкѣ. Оба названныхъ труда представляютъ серіозныя научныя работы, основанныя на самостоятельномъ изученіи предмета, и не относятся къ числу сочиненій на избитую тему о женскомъ вопросѣ. Князь Голицынъ болѣе 30 лѣтъ занимается библіографическими разысканіями въ области произведеній русскихъ писательницъ. Въ 1850 и 1860 годахъ онъ уже выступалъ въ литературѣ съ опытами по словарю русскихъ писательницъ, который въ названномъ нами изданіи 1889 г. обнимаетъ собою свѣдѣнія о 1286 писательницахъ, изъ которыхъ 1213 писали на русскомъ языкѣ и 73—на иностранныхъ языкахъ. Словарь кн. Голицына расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ по фамиліямъ писательницъ и представляетъ краткія свѣдѣнія о писательницахъ (года рожденія и смерти; свѣдѣнія о родственныхъ отношеніяхъ) съ перечетомъ сочиненій ихъ и часто съ указаніемъ литературы предмета. Трудъ кн. Голицына относится къ числу полезныхъ пособій для изученія исторіи русской словесности XVIII и XIX вѣ-

ковъ. Въ немъ есть указанія и на русскихъ писательницъ XVII вѣка; но дальше въ глубь древнерусской письменности авторъ не спускается. Конечно, разсматриваемый трудъ чисто справочнаго характера и, по свойству самой работы,—„когда, по словамъ автора въ предисловіи, рамки изслѣдованія обнимаютъ два столѣтія, когда дѣло идетъ о болѣе тысячи авторахъ и о десяткахъ тысячъ показаній—о годахъ, форматахъ, страницахъ, и т. п.“—трудъ, представляющій и нѣкоторые пробѣлы. Таково, напримѣръ, отсутствіе указаній на участіе русской женщины въ древнерусской письменности и отсутствіе многихъ провинціальныхъ писательницъ нашего столѣтія, не выступавшихъ въ распространенныхъ столичныхъ органахъ печати. Внести этихъ писательницъ въ Словарь со страницъ различныхъ провинціальныхъ изданій, начиная съ неофиціальной части губернскихъ вѣдомостей, было тѣмъ болѣе возможно, что авторъ названнаго нами труда внесъ въ свой Словарь и такихъ немногихъ, впрочемъ, писательницъ, которыя извѣстны составленіемъ только однѣхъ кухонныхъ книгъ, или руководствъ къ косметикѣ.

„Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи“ г. Лихачевой представляютъ собою начало труда, который главнымъ образомъ посвященъ возникновенію и развитію женскаго образованія въ Россіи въ царствованіе Императрицы Екатерины II, когда впервые выступили и русскія писательницы въ разнообразныхъ областяхъ литературы. Г. Лихачева воспользовалась для своего труда не только фактами, разбросанными въ различныхъ литературныхъ изданіяхъ, но и нигдѣ еще ненапечатанными матеріалами: изъ Канцеляріи Совѣта Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, изъ IV Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, изъ архивовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Святѣйшаго Синода. Кромѣ того, г. Лихачева тщательно извлекла свѣдѣнія изъ разныхъ историческихъ трудовъ объ участіи русской женщины до-петровскаго времени въ образованности и литературѣ. Послѣднее, не смотря на извѣстную скудость пособій и источниковъ по этому вопросу,—на что указываетъ и авторъ въ предисловіи къ своему труду,—представляется въ книгѣ г. Лихачевой въ замѣчательной полнотѣ. При этомъ авторъ держится вездѣ сравнительнаго метода: говоря о грамотныхъ женщинахъ въ древней Руси, авторъ касается и состоянія образованности женщины въ средніе вѣка на западѣ; говоря о началѣ об-

разованія русской женщины въ XVIII в., преимущественно въ вѣкъ Екатерины II, авторъ касается и дѣла женскаго воспитанія и образованія на западѣ ко времени вступленія Императрицы Екатерины II на престолъ. Нельзя не согласиться съ мыслью автора „Матеріаловъ“ о томъ, что русскія женщины уже въ древней Руси участвовали въ общемъ просвѣщеніи страны, хотя въ то же время нельзя согласиться съ частностями, приводимыми авторомъ по этому вопросу. Мы не будемъ теперь останавливаться на этихъ частностяхъ, оставляя замѣчанія о нихъ до дальнѣйшаго изложенія предмета.

Въ „Библіографическомъ Словарѣ русскихъ писательницъ“ кн. Голицына мы находимъ упоминанія о нѣкоторыхъ поэтессахъ въ народномъ стилѣ, о сочинительницахъ пѣсенъ, которыя встрѣчаются и до настоящаго времени въ устномъ обращеніи среди русскаго народа. Таковы пѣсни Елисаветы Петровны, Кузнецовой—Горбуновой и Маруси Чурай. Послѣдняя относится къ первой половинѣ XVII ст. Мы не знаемъ насколько основательно приписываются ей извѣстныя малороссійскія пѣсни: „Віютъ вѣтры, віютъ буйны,“ или „Ой, не ходи, Грицю, на верници“, и проч.; но несомнѣнно, что Маруся Чурай была импровизаторшей нѣкоторыхъ малороссійскихъ пѣсенъ.—Царевнѣ Елисаветѣ Петровнѣ приписываютъ извѣстную пѣсню „Во селѣ, селѣ Покровскомъ, среди улицы большой“, а Кузнецовой—Горбуновой (впослѣдствіи гр. Шереметевой)—пѣсню „Вечоръ поздно изъ лѣсочку я коровъ домой гнала.“ Эти немногія свѣдѣнія, случайно до насъ дошедшія, о сочинительницахъ народныхъ пѣсенъ, можно дополнить интересными свѣдѣніями о выдающихся пѣвицахъ, какія мы имѣемъ уже въ трудахъ нашихъ этнографовъ, напр. Е. В. Барсова (Причитанья Сѣвернаго Края) и г. Добровольскаго (Смоленскій этнографическій сборникъ, 1891 г.). Еще Максимовичъ въ своихъ изданіяхъ малороссійской народной поэзіи указывалъ на значеніе т. н. женскихъ пѣсенъ, относя къ нимъ преимущественно колыбельныя, нѣкоторыя свадебныя, игровыя, и проч. Уже на основаніи изученія русскихъ народныхъ пѣсенъ можно было заключить объ участіи русской женщины съ древнѣйшаго времени въ развитіи народной поэзіи и родного слова. Достаточно обратить вниманіе на тѣ многочисленныя народныя пѣсни, которыя поются отъ лица женщинъ, въ которыхъ высказываются женскія чувства и которыя касаются по преимуществу домашней жизни. Таковы многія свадебныя пѣсни, причи-

танья или плачи по мертвымъ, колыбельныя пѣсни и вообще многія пѣсни изъ т. н. бытовыхъ. Эти пѣсни и хранятся по преимуществу въ памяти нѣкоторыхъ болѣе способныхъ женщинъ, каковыми на сѣверѣ Россіи, преимущественно въ Олонецкой губерніи, являются т. н. вопленицы, или плачеи. Нѣкоторыя женщины, по свидѣтельству Гильфердинга (Онежскія былины, 1873 г.), поютъ и былины, при чемъ носятъ названіе „сказительницъ“, какъ пѣвцы былинъ носятъ названіе „сказителей.“ Но между сказительницами и вопленицами существуетъ значительная разница. Сказительницы перепѣваютъ только старыя пѣсни—былины о богатыряхъ, поютъ ихъ такъ, какъ и сказизители; между тѣмъ какъ вопленицы являются не только хранительницами свадебныхъ пѣсенъ, причитаній, и проч.; но и—создательницами новыхъ пѣсенъ въ стародавней формѣ народной поэзіи, но примѣнительно къ новымъ обстоятельствамъ, къ новымъ лицамъ, соотвѣтственно данному случаю. Объ этомъ творчествѣ вопленицъ свидѣтельствуютъ причитанья, собранныя Е. В. Барсовымъ, и недавнее сообщеніе въ Этнографическомъ отдѣленіи Географическаго Общества, сдѣланное секретаремъ отдѣленія, г. Истоминымъ (см. Новое Время, 1892 г., № 5763). Самыя названія—вопленицы, плачеи—указываютъ на вопль, плачъ, такъ какъ мотивъ, напѣвъ ихъ пѣсенъ, даже на такомъ веселомъ обрядѣ, какъ свадьба, постоянно протяжный, заунывный и вслѣдствіе этого грустный, вполнѣ напоминающій вопль, плачъ. Вполнѣ естественнымъ является этотъ вопль—плачъ на похоронахъ, а въ прежнее время при проводахъ рекрута. Изъ пѣсенъ, оплакивающихъ рекрутъ, г. Барсовъ составилъ большой сборникъ—второй томъ Причитаній сѣвернаго края; а г. Истоминъ говоритъ, что съ исчезновеніемъ рекрутскихъ наборовъ утрачивается прежній дѣйствительно грустный, тяжелый характеръ причитаній этого рода. Мы не знаемъ въ настоящее время такихъ замѣчательныхъ народныхъ пѣвицъ, какъ вопленицы сѣвернаго края, въ лицѣ которыхъ сохранилось бы столько остатковъ глубокой старины, столько переживанья старинныхъ нравовъ и обычаевъ *). Е. В. Барсовъ едва ли не первый въ нашей этнографической литературѣ далъ замѣчательныя характеристики нѣкоторыхъ изъ этихъ вопленицъ. Особенно любопытна его характеристика одной изъ такихъ вопленицъ, Ирины Ѳедосовой, крестьянки Олонецкой губерніи, которая притомъ представляетъ собственный разсказъ Ирины Ѳедосовой—своего рода автобіографію. Этотъ разсказъ является единственнымъ въ своемъ родѣ драгоцѣннымъ свидѣтельствомъ о богато-одаренныхъ природой натурахъ среди женскаго крестьянскаго населенія нашего Сѣвера. Мы приведемъ хотя нѣкоторыя выдержки, характеризующія поэтическія способности Ирины Ѳедосовой. „Ирина—такъ описываетъ ее г. Барсовъ въ 1867 г.—женщина около 50 лѣтъ, крайне невзрачная, небольшаго роста, сѣдая и хромая, но съ богатыми силами души и въ высшей степени поэтическимъ настроеніемъ; рѣчь у ней живая и бойкая; то и дѣло льются съ языка пословицы и поговорки; 13-ти лѣтъ она была уже вопленицей, извѣстной по всему Заонежью... Со младости ей честь и мѣсто въ большомъ углу, что на свадьбахъ-ли пѣсни запоетъ—старики запляшутъ, на похоронахъ-ли завопитъ—каменный заплачетъ... Родители были прожиточные и степенные; мать—бойкая на 22 души пекла и варила и вездѣ поспѣла, не рыкнула, не зыкнула... я-жъ была сурова, по крестьянству—куды какая: колотила, молотила, вѣяла и убирала... 8-ми годъ знала, на каку полосу сколько сіять; 6-ти годъ на—ухожъ лошадь гоняла и съ ухожа домой пригоняла; разъ лошадь сплеснулась, я пала; съ тѣхъ поръ до теперь хрома. Я грамотой не грамотна, за то памятью я памятна; гдѣ што слышала, пришла домой, все разсказала, быдто въ книгѣ затвердила, пѣсню-ли, сказку-ли, старину-ли какую... шутить была мастерица: шутками да дурками всѣхъ расшевелю; имя мнѣ было со изотчиной; грубнаго слова не слыхала: бѣдный сказать не смѣлъ, богатаго сама обожгу. Стали люди знать и

*) Въ житіи сѣверно-русскаго подвижника Поморскаго края, св. Антонія Сійскаго (составлено въ XVI в.; чудеса дополнены въ первой половинѣ XVII ст.), приводится обширное чудо исцѣленія больной—сироты, въ которомъ передается и причитаніе. Приводимъ вполнѣ это мѣсто по рукописи Казанской Духовной Академіи, № 539 (по прежнему каталогу Соловецкой б-ки, № 230), л. 317: „Бывши же ей внѣ своея храмины слышитъ гласы сосѣдъ своихъ, веселящихся на вечерни понеже близъ сущи. и сего ради печаль къ печали и слезы къ слезамъ приложивши вопіяше.—О горе мнѣ страннѣй никтоже бо тако безпомощенъ якоже азъ убогая занеже и лишаемѣй всѣхъ благихъ сущи, и всѣми *отца* моего *кормителя* и *промысленника* неимущой аще же и матерь имѣю но от всѣхъ бѣдъ находящихъ стѣсняемую *нищеты* ради а азъ же к тому и очесь своихъ лишеніе страждущу.—Сія же и ина ей таковая глаголющи“, и проч. Въ этой сухой книжной формѣ отразилась и обстановка вопленицы XVI—XVII вв. и часть причитанія съ нѣкоторыми характеристическими выраженіями.

къ себѣ приглашать—свадьбы играть и мертвымъ честь отдавать.... Съ малолѣтства любила я слушать причитанья... Замужъ вышла 19-ти лѣтъ; женихи все боялись, што не пойду, да и я того не думала и въ умѣ не держала, чтобы замужъ итти: сама казну наживу да голову свою кормлю.“ Но 19-тилѣтняя Ирина вышла замужъ за старика. Сватовство жениха за Ирину, ихъ разговоры, разговоры Ирины съ сватами напоминаютъ нѣкоторыя подробности изъ извѣстной муромской легенды о князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи. „Дѣвко! (сватаетъ Ирину пріѣхавшая гостья отъ жениха) думаешь-ли замужъ?“—„Нѣтъ жениха“, говоритъ Ирина.—„Женихъ есть, да не сміетъ звать, не пойдешь.“—„Для чего... завѣту нѣту; прилюбится и умъ отступится; судьба есть, такъ пойду.“—„Дѣвко, можно итти“; и сваха начинаетъ расхваливать жениха.—„Ну, это дѣло терпящее, ночью съ Ангеломъ подумаю, а утромъ скажу.“ Въ разговорѣ съ женихомъ встрѣчаются такія же поговорочныя, загадочныя рѣчи: „Я неволи не лисица; не объѣмъ, не общарапаю... не въ лисяхъ родилась, не пнямъ Богу молилась. Ну, што ты берешь меня: я человѣкъ молодой,—ты матёрой; мнѣ поважено по свадьбамъ ходить да игры водить; вы люди матёры, варить не будете; какое будетъ житье; биси въ лисѣ насміются. Да и мнѣ не охота выходить; выйдешь замужье—не хомутъ, не спѣхнешь: не мило, да взглядывай, не люба свекровка, звать ю матушкой; худо мое мужишко—веди его чиномъ“. Женихъ на это замѣтилъ: „не крѣпка жена умомъ, не закрѣпишь тыномъ.“ „Ну, когда такъ, порѣшила я, пойду“, и т. д. Такъ дѣло рѣшается препираніемъ загадками, пословицами. Черта глубокой древности. Не даромъ въ Олонецкой губерніи до сихъ поръ во всей своей свѣжести и сохраняются и развиваются пѣсни древняго склада и типа, живутъ еще былины о богатыряхъ.—Считаемъ не лишнимъ въ параллель къ приведеннымъ рѣчамъ Ирины Ѳедосовой выписать нѣкоторыя рѣчи премудрой Февроніи, дочери крестьянина—„древолазца“, которая выходитъ замужъ за князя Петра благодаря своей мудрости—препиранію загадками съ посланными отъ князя и съ самимъ княземъ. Вошелъ въ избу посланный князя и услышалъ отъ одинокой дѣвицы—пряхи „глаголы странни нѣкаки, какъ передаетъ старинная русская повѣсть: нелѣпо есть быти дому безъ ушію и храму без очію; про отца же и матерь рече: яко идоша в заимъ плакати, а брата же своего глаголя чрез ночи в нави зрѣти.“ Далѣе князь, прежде чѣмъ

жениться на Февроніи, имѣя уже въ виду сватовство, желаетъ испытать ея мудрость: предлагаетъ ей загадки, неисполнимыя задачи. Въ послѣднемъ случаѣ отражается несомнѣнная связь русской повѣсти съ апокрифическими сказаніями о Соломонѣ и царицѣ Савской. Вопросъ этотъ по отношенію къ повѣсти о Петрѣ и Февроніи въ достаточной степени уже разсмотрѣнъ академиками Ѳ. И. Буслаевымъ и А. Н. Веселовскимъ (Историческіе Очерки, I т., стр. 269 и д. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, 1872 и ранѣе—Журналъ Мин. Нар. Пр. 1870, часть CLIV). Въ этихъ статьяхъ приведенъ и сравнительный матеріалъ для изученія сказаній о мудрой дѣвѣ, особенно изъ германо-скандинавскихъ сказаній, напр. о Рагнарѣ—Лодброкѣ и проч. Какъ бы то ни было, факты, сообщенные изъ жизни Ирины Ѳедосовой г. Барсовымъ, указываютъ на переживаніе и такой русской старины, которая могла соединяться въ древне-русской муромской легендѣ о Петрѣ и Февроніи съ заимствованными элементами. Несомнѣнно, что древне-русская повѣсть о Петрѣ и Февроніи могла корениться и въ самыхъ условіяхъ быта, который продолжаетъ бытовать еще на Сѣверѣ Россіи.

Интересна и слѣдующая бесѣда Ирины со вторымъ мужемъ—любителемъ выпить,—которую передаетъ г. Барсовъ: „Пьянство души потопленіе (такъ усовѣщеваетъ Ирина своего мужа отстать отъ пьянства), семейству раззореніе... за добрымъ мужемъ, какъ за городомъ, за худымъ мужемъ и огородбища нѣтъ.. умретъ пьяница, тридцать лѣтъ духъ не выходитъ: не тихомѣрная милостыня, не нощное моленіе, ни земные поклоны, ничто ему не помогаетъ.“ Эти рѣчи неграмотной женщины переносятъ насъ къ старинной русской литературѣ: къ Слову Даніила Заточника, къ поученіямъ древне-русскихъ сборниковъ, къ благочестивымъ легендамъ. Безъ сомнѣнія, въ развитіи этой неграмотной женщины не послѣднее мѣсто занимаютъ религіозно-нравоучительныя произведенія древне-русской литературы, дошедшія до нея по преданію, устнымъ путемъ. Таково развитіе, таковы природныя способности этой вопленицы, которая не только хранитъ громадный запасъ народныхъ пѣсенъ, но и привноситъ въ нихъ свой вкладъ и на всѣ впечатлѣнія жизни отвѣчаетъ мѣткимъ, мудрымъ словомъ старины. Повторяемъ еще разъ, что характеристика Ирины Ѳедосовой представляетъ выдающееся явленіе въ русской этнографической литературѣ. Въ этомъ можно убѣдиться, если, напримѣръ,

сравнить эту характеристику съ подробнымъ разсказомъ объ одной изъ пѣвицъ Смоленской губерніи. Г. Добровольскій въ интересномъ своемъ „Смоленскомъ этнографическомъ Сборникѣ“ (Часть I, 1891 г.) приводитъ „разсказъ Матрешки Антоненкавый а сваей жисти“ (стр. 45—68). Но разсказъ этотъ не даетъ такого матеріала для характеристики народной пѣвицы—импровизаторши, не представляетъ данныхъ для характеристики поэтическаго дарованія, міровоззрѣнія пѣвицы,—какъ разсказъ Ирины Ѳедосовой. Разсказъ Матрены Антоненковой, быть можетъ, интересенъ въ общественно—экономическомъ отношеніи, но почти ничего не даетъ въ отношеніи изученія народнаго поэтическаго творчества. Только изъ разсказовъ Ирины Ѳедосовой, изъ сопоставленія этихъ разсказовъ съ разнообразнымъ содержаніемъ причитаній можно вывести заключеніе о развитіи женскаго пѣсеннаго творчества, которое процвѣтаетъ и до сихъ поръ на Сѣверѣ Россіи, въ губерніяхъ Олонецкой, Архангельской, Вологодской. Стоитъ перечитать „Причитанья Сѣвернаго Края“, записанныя г. Барсовымъ отъ вопленицъ, чтобы понять, какъ возникаютъ новые варіанты этихъ причитаній примѣнительно къ разнообразнымъ случаямъ и лицамъ, какъ соотвѣтственно послѣднимъ вносятся въ причитанья измѣненія, прибавки. Такія пѣсни, какъ причитанья, въ одно и тоже время и поются и творятся. Къ нимъ, какъ нельзя болѣе, примѣнимъ извѣстный взглядъ Штейнталя на эпосъ, высказанный имъ въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ Zeitschrift für Völkerpsychologie. Каждая пѣсня на извѣстный случай является со своими особенностями; рядомъ съ усвоенными старыми пѣснями возникаютъ новыя. Конечно, для народныхъ пѣсенъ, за очень немногими исключеніями, нельзя указать отдѣльнаго лица, которое сложило впервые извѣстную народную пѣсню. Мы уже упоминали, что изъ русскихъ женщинъ, складывавшихъ народныя пѣсни, по преданію извѣстны: въ XVII в. Марья Чурай; въ XVIII в.—царевна Елисавета Петровна и крестьянка Горбунова—Кузнецова (впослѣдствіи гр. Шереметева *).

Переходимъ отъ народной словесности къ древне-русской письменности до XVIII в. Въ словарѣ кн. Голицына, за исключеніемъ в.

*) О высокомъ совершенствѣ языка малороссійскихъ женскихъ пѣсенъ говоритъ г. Кулишъ въ „Запискахъ о Южной Руси“, т. I, 1856 г., стр. 197. Онъ считаетъ особенно распространенной между женщинами—лирическую поэзію.

к. Софьи Алексѣевны и Натальи Алексѣевны, мы не находимъ другихъ именъ русскихъ писательницъ до XVIII вѣка. Но въ книгѣ г. Лихачевой, въ первыхъ двухъ главахъ, собраны свѣдѣнія: о первомъ женскомъ училищѣ въ Россіи княжны Янки при Андреевскомъ монастырѣ въ Кіевѣ, о грамотныхъ женщинахъ въ древней Руси. Кромѣ лѣтописей г. Лихачева воспользовалась и житіями святыхъ женщинъ, Степенной книгой, и проч. Однако, въ заключеніи второй главы мы находимъ въ книгѣ г. Лихачевой слѣдующій вопросъ: „чѣмъ объясняется скудость въ нашей древней письменной литературѣ извѣстій о женщинахъ, а равно отсутствіе въ ней какихъ-либо литературныхъ памятниковъ, оставленныхъ женщинами“?

Дѣйствительно, въ древне-русской литературѣ не встрѣчается женщинъ—писательницъ. Напрасно бы мы стали пересматривать описанія старинныхъ русскихъ рукописей, словари древне-русскихъ писателей, имѣя въ виду открыть хотя какіе нибудь слѣды участія русской женщины въ развитіи древне-русской литературы—мы не найдемъ опредѣленныхъ ясныхъ указаній на такое участіе женщины. Но если мы вспомнимъ что древне-русская женщина христіанка, по крайней мѣрѣ—княгиня, монахиня, а тѣмъ болѣе—игуменья, должны же были обладать извѣстной книжностью; если мы вспомнимъ, что книжность эта не могла же ограничиваться однимъ чтеніемъ, не могло быть запретнымъ дѣломъ для книжныхъ женщинъ списаніе книгъ, составленіе сборниковъ, участіе въ литературѣ,—то невольно зарождается сомнѣніе: достаточно-ли обслѣдована наша древне-русская письменность со стороны участія женщинъ—писательницъ. Со временемъ, быть можетъ, найдутся болѣе опредѣленныя указанія на участіе русской женщины и въ древне-русской образованности и въ древне-русской литературѣ. Въ настоящее же время отсутствіе опредѣленныхъ указаній на участіе русской женщины въ образованіи и въ литературѣ до XVIII вѣка—одно изъ самыхъ вѣскихъ основаній для извѣстнаго взгляда на значеніе реформы Петра Великаго, на значеніе новыхъ культурныхъ и литературныхъ явленій, которыя съ большей силой проявились съ эпохи Петра Великаго. Если разсматривать этотъ т. н. западническій вопросъ со стороны участія русской женщины въ образованіи и въ литературѣ древней Руси, то нельзя не признать его вѣскаго значенія.

Это отсутствіе свѣдѣній о древне-русскихъ писательница хъ тѣмъ

болѣе удивительно, что, напримѣръ, въ Византіи, имѣвшей преобладающее значеніе въ развитіи древне-русскаго просвѣщенія и литературы, встрѣчаются такія выдающіяся писательницы, какъ Кассія и Анна Комнена (*Krumbacher*: Geschichte der Byzantinischen Litteratur, München. 189¹ г., стр. 322 и 78—82). Духовные стихи поэтессы Кассіи (Κασία или Καδσία), IX или X в., отличаются самобытностью и глубиною чувства. Въ одномъ изъ стихотвореній она проводитъ параллель между распространеніемъ христіанства, царства Христа, сокрушившаго многобожіе, и распространеніемъ царства Римскаго императора Августа, который положилъ конецъ разнымъ царствамъ на землѣ. Въ XI—XII вв., въ Византіи появляется вторая замѣчательная писательница, Анна Комнена, получившая широкое научное образованіе. Анна Комнена (Ανναἡ Κομνηνή), дочь императора Алексѣя Комнена, написала большой историческій трудъ въ 15 книгахъ Ἀλεξιάς—Исторію Алексѣя Комнена, отъ 1069—1118 г. Надо замѣтить, что ея мужъ Никифоръ Бріенній собралъ также богатый историческій матеріалъ. Кажется, что въ Византіи женщины писательницы составляли всетаки исключеніе,—что могло отразиться и у славянъ, развивавшихся подъ византійскимъ вліяніемъ. Припомнимъ кстати участіе женщинъ въ развитіи литературы у европейскихъ народовъ, ближайшихъ сосѣдей славянъ. Въ Германіи уже въ X в. является Гросвита (Hrnotswintha), ученая монахиня, извѣстная своими духовными драматическими произведеніями, написанными на латинскомъ языкѣ. Въ XII, XIII и отчасти въ XIV вв. знатныя дамы и преимущественно монахини пишутъ духовныя стихотворенія и сочиненія въ прозѣ религіознаго содержанія. Въ XIV—XV вв. знатныя дамы перелагаютъ старыя эпопеи и переводятъ французскіе романы. Въ XVI в. нѣмецкія женщины слѣдуютъ по пути гуманистовъ. Въ 1715 г. насчитываютъ уже въ германской литературѣ не менѣе 111 поэтессъ. (*Gross*: Deutschlands Dichterinen und Schriftstellerinen, Wien, 1882 г.). Тоже было и у другихъ европейскихъ народовъ. У насъ до XVIII ст. участіе женщины въ развитіи литературы, письменности замѣчается самое незначительное. Вотъ нѣкоторыя данныя по этому вопросу до XVIII ст. Замѣтимъ прежде всего, что мы не можемъ согласиться съ данными, проводимыми г. Лихачевой о значеніи женскаго училища, основаннаго княжной Янкой въ 1086 г., о проповѣдяхъ Евфросиніи, о поученіи в. к. Маріи, жены Всеволода Георгіевича (Матеріалы для исторіи женскаго образованія, стр. 1 и д., 37). Свѣдѣнія о древне-русскихъ училищахъ, основанныя на свидѣтельствахъ Татищева, мало обоснованы и выведены, по всей вѣроятности, на основаніи такихъ же шаткихъ источниковъ съ общими мѣстами, какъ житія святыхъ, въ которыхъ въ однихъ и тѣхъ же стереотипныхъ фразахъ повторяются, часто со словъ переводныхъ житій, одни и тѣже выраженія объ училищахъ и раннихъ годахъ обученія. Тоже слѣдуетъ сказать и о предполагаемыхъ проповѣдяхъ Евфросиніи. Еще менѣе основаній признавать дѣйствительность довольно длиннаго „Поученія“ великой княгини Маріи, жены Всеволода Георгіевича, къ сыновьямъ (въ началѣ XIII в.), которое находится въ Степенной книгѣ и которое могло быть сочинено редакторомъ Степенной книги, придерживавшимся реторическихъ пріемовъ и украшенныхъ сказаній.

Для того, чтобы представить нѣкоторыя данныя объ участіи русской женщины въ древне-русской письменности, въ книжности, мы обратимся непосредственно къ памятникамъ древне-русской письменности и литературы. Мы не будемъ останавливаться на различныхъ церковныхъ покровахъ съ надписями, вышитыхъ руками женщинъ, на изображеніяхъ княгинь при книгахъ, что одинаково встрѣчается съ древнѣйшаго времени какъ у южныхъ славянъ, такъ и у русскихъ.

Уже въ Изборникѣ 1076 г. встрѣчаемъ замѣчательный переводный памятникъ: „Поученіе св. Ѳеодоры своему сыну“—трудъ женщины, не вызвавшій, кажется, въ древне-русской литературѣ подражанія, если не считать упомянутаго поздняго поученія дѣтямъ, которое влагаетъ Степенная книга въ уста в. к. Маріи, жены Всеволода Георгіевича. Этотъ греческій памятникъ, переведенный у южныхъ славянъ и перешедшій въ русскую письменность при самомъ ея началѣ, представляется почти одинокимъ. Трудъ Анны Комнены, кажется, не былъ извѣстенъ ни у южныхъ славянъ, ни въ древней Руси. Отъ XII в. мы имѣемъ извѣстія о монахинѣ княжнѣ Евфросиніи Полоцкой, которая не только собираетъ книги, но и занимается перепиской ихъ, объясняетъ книги для сестеръ—инокинь, отличается мудростью и въ концѣ жизни совершаетъ путешествіе въ св. землю черезъ Константинополь. Около 1226 г. встрѣчаемъ извѣстіе о письмѣ в. к. Верхуславы—Анастасіи къ епископу Симону: „пишетъ ми книгы княгыни Ростиславля Верхуслава“ *). Въ 1286 г. жена волынскаго князя Вла-

*) Данныя эти можно найти, между прочимъ, въ извѣстномъ трудѣ *И. И. Срезневскаго* „Древніе памятники русскаго письма и языка“, 1882 г.

диміра Васильковича, Ольга Романовна, участвуетъ въ перепискѣ Кормчей вмѣстѣ съ своимъ мужемъ. Въ 1296 г. Марина, жена кн. Всеволода Константиновича, повелѣла „списати писцу Захаріи книгу псалтирь съ покаянны и съ молитвами“, какъ объ этомъ говоритъ писецъ въ послѣсловіи. Отъ XIV и XV вв. мы не имѣемъ свѣдѣній о книжныхъ женщинахъ. Даже въ XVI в. такая выдающаяся женщина, какъ Юліанія Лазаревская, какъ свидѣтельствуетъ ея житіе, была не грамотна, а основанія вѣры и нравственно-христіанскихъ подвиговъ она восприняла устнымъ путемъ. Въ тоже время Юліанія воздерживалась съ молодыхъ лѣтъ и отъ игръ и пустошныхъ пѣсенъ, отъ народной поэзіи, продолжавшей развиваться въ устномъ обращеніи. Нельзя однако думать, чтобы въ это время не было книжнаго ученія для женщинъ, чтобы въ древне-русской литературѣ господствовалъ исключительно извѣстный взглядъ на женщину, какъ на зло. Извѣстный писатель около половины XVI в., митрополитъ Даніилъ, говоритъ въ своихъ поученіяхъ, что обученіе „писаніямъ“, т. е. святоотеческой литературѣ, необходимо не только „пастыремъ и учителемъ и прочимъ инокамъ но и сущимъ въ мірѣ“, особенно юнымъ (значитъ, въ возрастѣ школьнаго обученія) одинаково „отрокамъ и дѣвицамъ“. „О отроци и дѣвици... любомудрствуйте въ писательнемь художьствіи, въ ученіи книжнемь, или въ коемъ рукодѣліи.“ „Мысль о необходимости образованія для всѣхъ, не исключая и женщинъ, говоритъ г. Жмакинъ (Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія. 1881 г., стр. 514; см. еще, стр. 32 въ отдѣлѣ приложеній), высказанная митрополитомъ Даніиломъ въ первой половинѣ XVI в., характеризуетъ его какъ писателя просвѣщеннаго и достойнаго.“

Кстати замѣтимъ о памятникахъ древне-русской литературы, содержащихъ тѣ знаменитыя изреченія о злыхъ женахъ, которыя повторяются обыкновенно, когда рѣчь идетъ о русской женщинѣ въ до-Петровское время. Впрочемъ, иногда приводятся и немногія выраженія о женѣ доброй, представляющей т. с. идеалъ древне-русской женщины. Всѣ эти выраженія представляютъ или буквальныя повторенія нѣкоторыхъ мѣстъ изъ библейскихъ книгъ (напримѣръ, Притчи Соломона, гл. 31; Книга Сираха, гл. 25, 26), или изъ переводныхъ святоотеческихъ сочиненій (напр. Ефрема Сирина, Вопросовъ и Отвѣтовъ Анастасія Синаита; словъ, приписываемыхъ Іоанну Златоустому, и проч. См. напр. А. С. Архангельскаго: Творенія отцовъ церкви въ

древне-русской письменности, Казань, 1890 г., IV, стр. 174 и д.).

Говоря о грамотныхъ женщинахъ въ древней Руси, объ учительницахъ, г. Лихачева пользуется сравненіемъ съ недавними и современными условіями обученія и книжности въ раскольничьемъ быту. Г. Лихачева ссылается при этомъ на извѣстное описаніе этого обученія и вообще книжности разныхъ бѣлицъ и старицъ въ разсказахъ Андрея Печерскаго (Мельникова): „Въ Лѣсахъ“, „На Горахъ.“. Къ этимъ вполнѣ достовѣрнымъ разсказамъ мы можемъ добавить, что въ сѣверныхъ поморскихъ скитахъ женщины отличаются замѣчательнымъ искусствомъ въ каллиграфіи и рисованіи: мы имѣли случай видѣть разнообразные сборники этого поморскаго письма женщинъ, представляющіе часто красивыя миніатюрныя книжечки, написанныя прекраснымъ церковно-славянскимъ полууставомъ, украшенныя разрисованными заставками и заглавными буквами. Въ поволжскихъ губерніяхъ женщины старообрядки составляли сборники изъ духовныхъ стиховъ, изъ разныхъ выписокъ частію изъ святоотеческихъ переводныхъ сочиненій, частію изъ раскольничьихъ сочиненій; но почеркъ ихъ далеко уступаетъ поморскому. Въ извѣстномъ собраніи рукописей Хлудова, находящемся въ настоящее время въ Московскомъ Единовѣрческомъ Никольскомъ монастырѣ, находится нѣсколько сборниковъ, писанныхъ въ 1823—24 гг. Евдокіей Гавриловной Брониной, принадлежавшей къ поморскому согласію и присоединившейся въ 1833 г. къ единовѣрческой церкви. Объ этомъ обращеніи Бронина напечатала въ Москвѣ, въ 1843 г. книжку, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Повѣствованіе о обращеніи отъ согласія Поморцевъ ко святой Соборной апостольской Восточной церкви московскаго купца Захарія Ѳедоровича Бронина, художествомъ иконописца, супруги Евдокіи Гавриловой Брониной. Писано 1833 года мѣсяца ноября“ (см. Описаніе рукописей библ. А. И. Хлудова, составленное Андреемъ Поповымъ, 1872 г., стр. 651 и еще стр. 642—651). Бронина была замѣчательной начетчицей, а печатный трудъ ея свидѣтельствуетъ о томъ, что и раньше она могла писать; но о сочиненіяхъ раскольничьихъ писательницъ пока мы ничего не знаемъ. Эта параллель, проведенная г. Лихачевой между условіями книжности среди старообрядокъ и среди древне-русскихъ женщинъ до конца XVII в., намъ кажется не вполнѣ основательной. Старообрядческая и раскольническая книжность развилась въ XVIII в., а факты, приводимые г. Лихачевой, относятся уже къ XIX в. Мы

должны искать другихъ основаній для заключенія о книжности русскихъ женщинъ въ XVI—XVII вв.

Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. книжной женщиной является дочь царя Бориса Годунова, Ксенія, извѣстная своей злополучной судьбою. Отъ нея дошли до насъ письма; но мы не рѣшаемся приписывать ей тѣ двѣ грустныхъ пѣсни, которыя записаны въ 1619 г. для Ричарда Джемса въ Москвѣ. Эти пѣсни, въ которыхъ отъ лица самой Ксеніи оплакивается ея горестная участь при Лжедмитріѣ, могли быть составлены и лицами, сочувствовавшими несчастной судьбѣ Ксеніи.

Въ XVII в., въ царской семьѣ Михаила Ѳедоровича и особенно Алексѣя Михайловича являются книжныя царевны. Сестра царя Алексѣя Михайловича, Татьяна Михайловна, списала душеполезную книгу Синодикъ, при чемъ нѣкоторыя статьи написала прекраснымъ уставомъ, украсила миніатюрами и составила родословное древо великихъ князей и царей Русскихъ. Ею-же, по всей вѣроятности, списано одно изъ Евангелій, хранящихся въ Московской Синодальной библіотекѣ (Описаніе Воскресенской Новоіерусалимской библіотеки. Арх. Амфилохія, 1876 г., стр. 116—125). Еще выше стояли по своему образованію царевны Софья Алексѣевна и особенно Наталія Алексѣевна. Какъ ученицы Симеона Полоцкаго эти царевны имѣли склонность къ стихотворству, къ драматическимъ произведеніямъ и, кажется, были знакомы съ нѣкоторыми иностранными языками. Но до сихъ поръ не выяснено окончательно, какія драматическія пьесы изъ оригинальнаго и переводнаго репертуара можно приписать имъ съ достаточной опредѣленностью (см. Словарь кн. Голицына, стр. 178 и 231—233).

Переходя къ XVIII вѣку, мы замѣчаемъ, что въ первой половинѣ этого вѣка участіе русской женщины въ новой уже русской литературѣ также незначительно, какъ и въ предшествующую эпоху. Изъ числа образованныхъ женщинъ первой половины XVIII в. выдается великая княгиня Наталія Алексѣевна, сестра императора Петра II. Она хорошо знала иностранные языки, много читала и серіозно занималась науками подъ руководствомъ академиковъ иностранцевъ (В. С. Иконниковъ: „Русская женщина наканунѣ реформы Петра В. и послѣ нея“. Кіевскія Университетскія Извѣстія 1874 г., № 6 стр. 437—442). Безъ сомнѣнія, въ первой половинѣ XVIII в. образованіе русской женщины считалось уже необходимымъ, по крайней мѣрѣ, въ

высшемъ классѣ общества, какъ свидѣтельствуютъ примѣры царевны Елисаветы Петровны, графини Шереметевой, впослѣдствіи кн. Н. Б. Долгоруковой („мать моя, говоритъ Наталья Борисовна въ своихъ Запискахъ, старалась о воспитаніи моемъ, чтобы ничего не было упущено въ наукахъ“), и друг. Въ области литературной дѣятельности къ первой половинѣ XVIII в. относятся полународныя, полукнижныя стихотворенія и пѣсни царевны Елисаветы Петровны, впослѣдствіи императрицы, и извѣстія о переводахъ театральныхъ пьесъ для домашняго театра въ Ярославлѣ, около 1740 г. Бобрищевой—Пушкиной, въ замужествѣ княгини Голицыной (Словарь кн. Голицына, стр. 28). Пѣсни, приписываемыя Елисаветѣ Петровнѣ, изданы съ подробными объясненіями въ 9 выпускѣ „Пѣсенъ, собран. Кирѣевскимъ“, стр. 197 ид., 204 ид. Въ Отчетѣ Императорской публичной библіотеки за 1870 г. (стр. 159—160) напечатано съ подлинника собственноручное стихотвореніе императрицы Елисаветы Петровны, начинающееся словами: „Всякій разсуждает какъ в свете бъ жить.“ Въ Словарѣ кн. Голицына указаны изданія четырехъ Елисаветинскихъ произведеній: элегіи, посвященной памяти Шубина, около 1735—40 г., народной пѣсни до 1740 г.—„Во селѣ, селѣ Покровскомъ,“ акростиха около 1742 г. и пасторальной пѣсни, сочиненной до 1740 г. Такимъ образомъ отъ Елисаветы Петровны мы имѣемъ первыя литературныя произведенія, свидѣтельствующія объ участіи русской женщины въ развитіи литературы. Ко времени царствованія Елисаветы относится и появленіе первыхъ трехъ образованныхъ писательницъ: Сумароковой—Княжниной, выступившей съ стихами въ 1759 г., Херасковой и Ржевской, выступившихъ въ русской литературѣ въ 1760 г. Но расцвѣтъ литературной дѣятельности русскихъ писательницъ относится къ вѣку императрицы Екатерины II. По Словарю кн. Голицына мы можемъ насчитать до 70 писательницъ, выступавшихъ въ русской литературѣ эпохи Екатерины II. Имя самой императрицы занимаетъ видное мѣсто въ исторіи русской литературы XVIII в.; но и другія малоизвѣстныя и неизвѣстныя писательницы давно уже обратили на себя вниманіе въ литературѣ. Еще современники писательницъ XVIII в. Новиковъ, Дмитревскій вносили ихъ въ словари о россійскихъ писателяхъ. Въ 1826 г. Руссовъ составилъ уже отдѣльный „Каталогъ россійскимъ писательницамъ.“ Затѣмъ въ началѣ 30-хъ годовъ М. Н. Макаровъ въ „Дамскомъ журналѣ“ помѣстилъ „Матеріалы для исто-

ріи русскихъ женщинъ—авторовъ", въ которыхъ перепечаталъ нѣкоторыя статьи писательницъ и сообщилъ много разнообразныхъ свѣдѣній изъ преданій XVIII в. Быть можетъ, нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній отличаются и не вполнѣ достовѣрнымъ анекдотическимъ характеромъ; но они значительно восполняли въ свое время скудные библіографическіе матеріалы для изученія русскихъ писательницъ XVIII в. Затрудненія по изученію этого вопроса заключаются еще въ томъ, что большинство писательницъ помѣщали свои сочиненія въ журналахъ безъ подписи фамилій,—часто съ обозначеніемъ однихъ инціаловъ. Припомнимъ кстати, что изученіе литературной дѣятельности Екатерины II въ трудахъ академиковъ Пекарскаго, Грота, и друг. только постепенно увеличило объемъ литературной дѣятельности императрицы. То же самое относится и къ изученію литературной дѣятельности княгини Дашковой. Поэтому только въ Словарѣ кн. Голицына мы имѣемъ теперь болѣе полныя и точныя свѣдѣнія о русскихъ писательницахъ XVIII в. Какъ незначительны и неполны были свѣдѣнія о старинныхъ нашихъ писательницахъ даже въ 40-хъ годахъ, можно видѣть изъ замѣчаній Бѣлинскаго (Отечествен. Записки 1843 г. и сочиненія, 3 изд., ч. VII, стр. 155 ид.). Разбирая сочиненія Зенаиды Р-вой, Бѣлинскій сдѣлалъ краткое обозрѣніе литературной дѣятельности русскихъ женщинъ исключительно по Каталогу Смирдина и насчиталъ за XVIII в. всего 11 писательницъ (Сушкова, Орлова, Волконскія 2, Корсакова, Нилова, Баскакова, Базилевичъ, Поспѣлова, Урусова, Хвостова). Но интересенъ взглядъ Бѣлинскаго на эту дѣятельность женщинъ. „Женщины, которыя когда-либо пускались на Руси въ авторство, всегда обладали извѣстною степенью образованности, знаніемъ хоть французскаго языка; при этомъ, имъ не мало служитъ и врожденный женской натурѣ тактъ приличія и здраваго смысла" (158 стр.). „Съ появленія Пушкина гораздо больше стало являться на Руси женщинъ—писательницъ; но извѣстныхъ именъ между ними стало меньше. Это оттого, что имена людей, дѣйствовавшихъ въ началѣ зарождающейся литературы, пользуются извѣстностью даже и безъ отношенія къ ихъ таланту. Когда же литература уже сколько нибудь установится, тогда, чтобъ получить въ ней почетное имя, нужно имѣть замѣчательный талантъ... (но) произведенія прежнихъ стихотворицъ были плоды невинныхъ досуговъ, поэтическое вязаніе чулковъ, рифмотворное шитье" (стр. 164—165).

Взглядъ этотъ на старыхъ русскихъ писательницъ долженъ былъ значительно измѣниться послѣ того, какъ впервые были изучены литературные труды Екатерины II, кн. Дашковой, и друг. Но до послѣдняго времени, если не считать обилія статей и изслѣдованій, посвященныхъ изученію литературной дѣятельности Екатерины II и кн. Дашковой, мы не имѣемъ полнаго и всесторонняго обслѣдованія литературной дѣятельности остальныхъ писательницъ XVIII в. Вотъ все что мы имѣемъ по этому вопросу. О нѣкоторыхъ болѣе выдающихся писательницахъ XVIII в говоритъ г. Мордовцевъ въ своей книгѣ „Русскія женщины новаго времени. Біографическіе очерки изъ русской исторіи. Женщины второй половины XVIII в.," 1874 г. Г. Мордовцевъ посвящаетъ нѣсколько главъ жизни и дѣятельности Екатерины Княжниной, Александры Ржевской, Екатерины II, Княгини Дашковой, „литературнымъ дочерямъ Ломоносова и Сумарокова"—Вельяшевой—Волынцевой; кромѣ того, говоритъ о „первыхъ русскихъ переводчицахъ"—кн. Меншиковой, Макаровой, Орловой, кн. Голицыной и кн. Волконскихъ. Г. Лихачева въ „Матеріалахъ для исторіи женскаго образованія въ Россіи" посвящаетъ также девятую главу женщинамъ писательницамъ при Екатеринѣ II, при чемъ пользуется уже Словаремъ кн. Голицына. Свѣдѣнія, сообщенныя г. Мордовцевымъ въ его названномъ трудѣ о русскихъ женщинахъ, основаны, кажется, исключительно на статьяхъ Макарова, помѣщенныхъ въ Дамскомъ журналѣ 1830—33 гг. Въ „Матеріалахъ для русской библіографіи" Н. В. Губерти, третій выпускъ которыхъ вышелъ въ прошломъ году, мы находимъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ рѣдкихъ книгахъ, принадлежащихъ перу писательницъ XVIII в. Въ виду появленія этихъ новыхъ матеріаловъ, мы остановимся на русскихъ писательницахъ XVIII в., причемъ разсмотримъ условія, благопріятствовавшія развитію литературной дѣятельности писательницъ XVIII в., и скажемъ нѣсколько словъ о писательницахъ малоизвѣстныхъ.

Въ числѣ условій, благопріятствовавшихъ развитію литературной дѣятельности русскихъ писательницъ XVIII в., самое видное мѣсто занимаетъ, конечно, образованіе русской женщины. Съ успѣхами этого образованія развивалась и увеличивалась качественно и количественно и дѣятельность русскихъ писательницъ. Съ начала XVIII в. въ высшемъ русскомъ обществѣ появляются учительницы и воспитательницы—иностранки; затѣмъ этотъ модный обычай распространяется

среди дворянства и въ провинціи. Русская грамота долго еще находится въ рукахъ низшаго духовенства; но съ развитіемъ новой русской литературы, съ появленіемъ Ломоносова, Сумарокова, а позднѣе Державина, старинные вкусы къ церковному чтенію и среди женщинъ смѣняются интересомъ къ новой литературѣ. Домашнее воспитаніе и образованіе женщинъ отражается главнымъ образомъ на писательницахъ XVIII в. Дочери, сестры и жены писателей выступаютъ въ русской литературѣ, подражая мужчинамъ. Между тѣмъ при Екатеринѣ II основывается Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ при Смольномъ монастырѣ съ отдѣленіемъ для мѣщанскихъ дѣвушекъ; затѣмъ возникаютъ и распространяются пансіоны для дѣвицъ не только въ столицахъ, но и въ провинціи. Мы имѣемъ интересныя свидѣтельства о томъ прогрессѣ, какой происходитъ во вкусахъ провинціальныхъ русскихъ читательницъ XVIII в. Въ 30-хъ годахъ XVIII в., по извѣстнымъ Запискамъ маіора Данилова (изданіе 1842 г., стр. 23) его „сестра Анна... выучена была читать и писать Россійской грамотѣ, читала много церковныхъ книгъ и исторій, почему и знала многое, касающееся до закона.“ Въ 50-хъ годахъ XVIII ст., по воспоминаніямъ И. И. Дмитріева (Взглядъ на мою жизнь), мать его читала уже романы и знакома была со стихами и драмами Ломоносова и Сумарокова. Послѣдній долженъ былъ вызвать особенное вниманіе грамотныхъ и образованныхъ женщинъ, такъ какъ и въ драматическихъ произведеніяхъ и въ своихъ стихотвореніяхъ отводилъ всего болѣе мѣста женщинѣ, ея чувствамъ. Свои стихотворенія, „эклоги“, Сумароковъ посвятилъ даже „прекрасному россійскаго народа женскому полу“ (*Н. Н. Булича*: Сумароковъ и современная ему критика, 1854 г., стр. 119). Въ этомъ посвященіи Сумароковъ говоритъ о „нѣжности“, о „любовномъ жарѣ“, которые составляютъ, выражаясь словами Бѣлинскаго, пафосъ поэзіи Сумарокова. Изъ русскихъ поэтовъ XVIII в. особеннымъ вниманіемъ образованныхъ женщинъ пользовался Державинъ. Ниже мы будемъ говорить о писательницахъ, развивавшихся подъ вліяніемъ Державина; теперь же назовемъ и не писательницу, А. О. Бобрищеву—Пушкину, любившую поэзію и особенно стихи Державина (Жизнь Державина, составл. Я. К. Гротомъ, стр. 296).

Съ появленіемъ русскихъ сатирическихъ журналовъ и это чтеніе стало входить, конечно, въ кругъ интересовъ русскихъ образованныхъ женщинъ, такъ какъ уже за 20 лѣтъ до появленія этихъ журналовъ дѣвицъ считали необходимымъ обучать въ пансіонахъ, какъ особому предмету, „чтанію вѣдомостей“ (г. Лихачевой—Матеріалы, стр. 263). Журналы и произведенія нашихъ лучшихъ писателей XVIII в. стали замѣнять рукописныя „гисторіи“, въ родѣ Бовы Королевича, Еруслана Лазаревича и друг., сокращавшихъ досуги грамотныхъ женщинъ конца XVII—начала XVIII в. Въ кругъ новаго чтенія входили переводные романы Ричардсона, Жанлисъ, и друг.

Переводы этихъ романовъ являлись нерѣдко изъ-подъ пера русскихъ писательницъ. Въ этомъ дѣлѣ находило себѣ больше всего примѣненіе знакомства женщинъ съ иностранными языками. Вслѣдствіе преобладающаго значенія французскаго языка въ XVIII в. чаще всего русскія писательницы переводили съ французскаго языка, изрѣдка съ нѣмецкаго и еще рѣже съ итальянскаго и даже съ латинскаго. Безъ сомнѣнія, самыми образованными женщинами въ XVIII в. были—императрица Екатерина II и княгиня Е. Р. Дашкова—Воронцова. По выраженію русскихъ просвѣщенныхъ людей XVIII в. обѣ онѣ принадлежали къ „ученымъ россійскимъ дамамъ и любительницамъ свободныхъ наукъ.“ Такъ называетъ кн. Дашкову Новиковъ въ „Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“ 1772 г. Точно также Новиковъ отзывается о Херасковой, какъ о „любительницѣ наукъ, одаренной острымъ и проницательнымъ разумомъ“, о Храповицкой—„дѣвицѣ острымъ и просвѣщеннымъ разумомъ и великою прилѣжностью къ ученію одаренной,“ о Ржевской, умершей въ 1769 г., 29 лѣтъ,—„любившей науки и художества.“ Мы не будемъ останавливаться на образованности Екатерины II и кн. Дашковой, на значеніи ихъ дѣятельности въ развитіи женскаго образованія и литературной дѣятельности женщинъ, такъ какъ это достаточно выяснено нашей научной литературой. Отчасти этому предмету посвящена и книга г. Лихачевой. Мы имѣемъ въ виду остановиться на литературной дѣятельности преимущественно малоизвѣстныхъ писательницъ.

Кромѣ образованія русскихъ женщинъ въ XVIII в. въ ряду главныхъ условій для развитія ихъ литературной дѣятельности представляются еще: вліяніе выдающихся русскихъ писателей, развитіе русской журналистики, открытіе большаго числа типографій, распространеніе всѣхъ этихъ литературныхъ явленій не только въ столицахъ, но и въ провинціи. Мы уже упоминали о значеніи литературной дѣ-

ятельности въ этомъ отношеніи Ломоносова, Сумарокова, Державина, и друг. Далѣе мы увидимъ, какъ нѣкоторыя писательницы примыкаютъ къ Державину, къ Хераскову, другія—къ Новикову; большая часть писательницъ конца XVIII в., въ девяностыхъ годахъ, стоятъ въ близкихъ отношеніяхъ съ издателями московскихъ журналовъ—Подшиваловымъ, Сохацкимъ и Карамзинымъ.

Большая часть русскихъ писательницъ XVIII в., какъ и въ XIX в., не выдѣляются въ своей литературной дѣятельности изъ круга писателей мужчинъ. Такъ сливаются съ этой общей литературной дѣятельностью и почти всѣ труды императрицы Екатерины II, кн. Дашковой (исключая, конечно, переписки, воспоминаній и нѣкоторыхъ другихъ трудовъ) и другихъ писательницъ, скрывавшихся въ журналахъ безъ подписей, или съ подписями инициаловъ, псевдонимовъ, и т. п. Однако нѣкоторые писательницы старались выдѣлить свою литературную дѣятельность. Такъ княжна Екатерина Сергѣевна Урусова, издавая свою поэму „Поліонъ“ въ 1774 г., сопровождаетъ это изданіе слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Я ласкаю себя надеждою, что мои читатели, *уважая полъ мой*, и первыя мои опыты въ родѣ сего пѣснословія, могутъ извинить находящіяся здѣсь погрѣшности; въ чемъ ободрятъ робкую Мусу мою, къ дальнѣйшимъ упражненіямъ“ (Чтенія Общ. Исторіи и Древностей, 1878 г., кн. 3, стр. 352: Губерти). Въ другомъ своемъ сочиненіи 1777 г. „Ироиды Музамъ посвященныя“ кн. Урусова въ стихотворномъ обращеніи къ Музамъ въ началѣ книги говоритъ, между прочимъ:

И чтобы окружить священныхъ Музъ престолъ,
То началъ воспѣвать у насъ *и женскій полъ*:
Они (sic) ко нѣжностямъ во пѣсняхъ прибѣгаютъ,
И добродѣтелямъ вѣнцы приготовляютъ,
Съ пріятностью они веселости поютъ
И дѣйствія страстей почувствовать даютъ;
Въ Россіи видимы Сапфоны, де ла Сюзы,
За ними я стремлюсь.

(Чтенія Общества Исторіи и Древностей, 1879 г., кн. 1, стр. 13: Губерти).

Эта же княжна Урусова въ 1786 году писала первой женѣ поэта Державина, Екатеринѣ Яковлевнѣ: „У васъ, видно, есть стихотворенія, сочиненіе которыхъ *дѣлаетъ честь нашему полу*: мнѣ весьма пріятно было читать то прекрасное стихотвореніе, которое вы мнѣ сообщили; *желаю, чтобы знакомство съ музами усугублялось въ нашемъ полѣ*. Не смотря на то, что я разорвала мой союзъ съ музами, желаю, чтобы другіе установляли съ ними связь; а мнѣ остается только радоваться и восхищаться твореніями *парнасскихъ сестръ моихъ*“ (Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. К. Грота, т. V, 1869 г., стр. 517).

Другая писательница XVIII в., такъ же, какъ и кн. Урусова, выпускавшая въ свѣтъ свои сочиненія безъ обозначенія своего имени, но съ указаніями на трудъ женщины, Александра Петровна Хвостова, напечатала „Отрывки“ въ 1795 и 1796 гг., пользовавшіеся въ свое время большой популярностью и содержавшіе два большія стихотворенія, подъ названіемъ „Каминъ“ и „Ручеекъ“, съ слѣдующимъ предувѣдомленіемъ „отъ издательницы:“ „желая здѣлать услугу и удовольствіе чувствительнымъ читателямъ издаю я сочиненіе одной Россійской писательницы, которая *держась скромности нашему полу* свойственной, долго противилась моему желанію и хотѣла скрыть отъ публики плоды своего дарованія; но убѣждена будучи усильною прозьбою друзей своихъ рѣшилась наконецъ принести имъ въ жертву свои сочиненія и мнѣ позволила быть издательницею“ (Матеріалы для русской библіографіи. Н. В. Губерти, 1891 г., вып. III, стр. 825). Замѣчательны также обращенія въ предисловіяхъ къ переводамъ: кн. Голицыной къ мужу и Ниловой къ дѣтямъ. Княгиня Варвара Голицына говоритъ слѣдующее въ посвященіи мужу, бывшему тогда въ арміи, перевода французскаго романа, подъ названіемъ „Заблужденія отъ любви“ (1790 г., Тамбовъ): „выпустить въ свѣтъ сей слабый мой переводъ я дерзнула не съ намѣреніемъ тщеславія, или желанія угодить тому же самому свѣту, но побудительною сего причиною было то, что я увѣрена, сколь для тебя лестно бываетъ, когда я занимаюсь чѣмъ нибудь полезнымъ и къ просвѣщенію ведущимъ“ (г. Лихачева: Матеріалы, стр. 267). Елизавета Корниліевна Нилова обращается въ предисловіи къ изданію своего перевода „Графъ Вальмонтъ или заблужденія разсудка“ (6 частей, отъ 1793—96, Тамбовъ) къ „любезнымъ дѣтямъ своимъ, какъ истинной другъ и мать“ (Губерти: Матеріалы, вып. III, 1891 г., стр. 803—804).

Это сознаніе русскихъ женщинъ—писательницъ XVIII в. о значеніи ихъ выдающейся дѣятельности въ области литературы поддер-

живалось и нѣкоторыми русскими писателями. Такое отношеніе къ писательницамъ высказывали и выдающіеся русскіе писатели, подъ вліяніемъ которыхъ главнымъ образомъ и развивалась литературная дѣятельность женщинъ. Но при этомъ высказывались и не вполнѣ сочувственные отзывы; или высказывались требованія нѣкоторыхъ ограниченій для дѣятельности женщинъ въ области литературы. Остановимся на нѣкоторыхъ выдающихся примѣрахъ въ этомъ отношеніи.

Извѣстный писатель XVIII в., А. П. Сумароковъ, далъ такое образованіе своимъ дочерямъ, что одна изъ нихъ Екатерина Александровна, внесенная въ „Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“, Новикова (1772 г.), подъ фамиліей мужа—Княжнина, „писала весьма изрядныя стихотворенія, напечатанныя въ ежемѣсячномъ сочиненіи Трудолюбивой Пчелѣ, изданномъ 1759 г. въ Санктпетербургѣ.“ Дѣйствительно, на стр. 191—192 Трудолюбивой Пчелы, издававшейся А. П. Сумароковымъ, мы находимъ элегію, подписанную „Катерина Сумарокова.“ Мы считаемъ нелишнимъ привести все это стихотвореніе (печатаемъ его по 2-му изд. Трудолюбивой Пчелы), замѣчательное въ томъ отношеніи, что одна изъ первыхъ русскихъ писательницъ считала необходимымъ говорить о своихъ чувствахъ не иначе, какъ отъ лица мужчины:

О ты, которая всегда меня любила,
А нынѣ навсегда совсѣмъ уже забыла!
Ты мнѣ еще мила, мила въ моихъ глазахъ,
А я ужъ безъ тебя въ стенаньи и слезахъ.
Хожу безъ памяти, не знаю что спокойство
Все плачу и грущу; моей то жизни свойство.
Какъ я съ тобою былъ, пріятенъ былъ тотъ часъ;
Но то скончалося и скрылося отъ насъ.
Однако я люблю, люблю тебя сердечно,
И буду я любить тебя всѣмъ сердцемъ вѣчно,
Хоть и разстался я любезная съ тобой,
Хотя не вижу я тебя передъ собой
Увы, зачто зачто толико я нещастенъ!
Зачто любезная тобою такъ я страстенъ!
Всево ты рокъ лишилъ ты отнялъ все злой рокъ,
Въ вѣкъ буду я стонать, когда ты такъ жестокъ,
И послѣ моего съ любезной разлученья,
Не буду провождать минуты безъ мученья.

Отецъ „Катерины Сумароковой“, помѣстившій ея элегію вмѣстѣ съ своей элегіей въ Трудолюбивой Пчелѣ, по словамъ Макарова (Дамскій Журналъ 1830 г., № 29), говорилъ: „къ дѣвицамъ это (выражать свои непосредственныя чувства въ стихахъ) нейдетъ; благовоспитанная стихотворица—дѣвица должна только думать о мастерствѣ въ стихахъ, а не объ изъясненіяхъ полюбовныхъ.“ Кстати замѣтимъ, что вопросъ о другихъ стихотвореніяхъ Сумароковой—Княжниной, выходившихъ въ свѣтъ безъ ея подписи, не затронутъ кн. Голицынымъ въ Словарѣ. Между тѣмъ г. Мордовцевъ (Русскія женщины новаго времени, 1874 г. Женщины второй половины XVIII в., стр. 66—67) приписываетъ Сумароковой, вѣроятно, со словъ Макарова, „стихи противъ злодѣевъ“ (Трудолюбивая Пчела, 1759 г., 2 изд., стр. 283—284), въ которыхъ также стихи написаны отъ лица мужчины, какъ и въ вышеприведенной элегіи.

По словамъ Макарова, Сумароковъ перепечаталъ даже въ своей Трудолюбивой Пчелѣ нѣкоторые стихи дочери подъ своимъ именемъ. Мы полагаемъ, что это должны быть тѣ „пѣсни“, которыя напечатаны въ Трудолюбивой Пчелѣ на стр. 678—686 (по 2-му изд.). Основаніями для такого заключенія могутъ служить слѣдующія данныя. Хотя подъ шестью пѣснями и находится подпись А. С; но въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ высказывается женщина: II пѣсня, стр. 680 (Въ какой мнѣ вредный день, ты въ томъ меня увѣрилъ, Что ты передо мной въ любви не лицемѣрилъ? Что лести я твоей повѣрила себя, и т. д.); V пѣсня, стр. 683 (Ужъ прошелъ мой вѣкъ драгой... Я тобой забвенна, и проч.); VI пѣсня, стр. 685 (Тщетно я скрываю сердца скорби люты, тщетно я спокойною кажусь, и проч). Замѣчательно, что передъ этими пѣснями помѣщены „Оставшіяся двѣ оды Сапфоны“, въ переводѣ съ греческаго Г. К., а передъ самыми пѣснями находится замѣчаніе Сумарокова, подтверждающее слова Макарова: „Слѣдующія пѣсни нашелъ я между протчими напечатанными пѣснями съ приложенными нотами, подъ чуднымъ Титломъ, которыя отъ части были испорчены; чего ради долженъ я ихъ поправивъ, какъ они отъ меня сочинены, выдати въ сихъ изданіяхъ, чтобы чужія погрѣшности не были почтены моими, при томъ желая, чтобъ сія дерзость издавати чужія сочиненія, безъ воли Авторовъ, не умножилася, а еще меньше то портити, что другія тщательно сочиняли и меньше еще налагати чужимъ трудамъ *непристойныя титла*, чево нигдѣ не во-

дится, и что нигдѣ не позволяется". Итакъ Сумароковъ, не смотря на свой взглядъ, нѣсколько съуживавшій литературную дѣятельность женщины, призвалъ впервые женщину, въ лицѣ своей дочери, къ участію въ основанномъ имъ журналѣ, къ участію въ русской литературѣ. Многіе изъ послѣдующихъ издателей русскихъ журналовъ продолжали привлекать писательницъ. Изъ такихъ выдающихся редакторовъ 60 и 70-хъ годовъ XVIII ст. извѣстны Херасковъ и Новиковъ.

Съ 1760 г. по 1764 г. Херасковъ издаетъ въ Москвѣ журналы: Полезное Увеселеніе (1760—62) и Свободные Часы (1763). Дѣятельной сотрудницей въ этихъ изданіяхъ является жена Хераскова, Елизавета Васильевна, о которой Новиковъ въ своемъ Словарѣ 1772 г. говоритъ слѣдующее: „Она сочиняла героиды, елегіи, еклоги, анакреонтическія оды и многія другія стихотворныя и прозаическія сочиненія, изъ коихъ *нѣкоторыя* напечатаны въ Московскихъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ; но вообще всѣ много похваляются учеными и знающими людьми. Слогъ ея чистъ, текущь, пріятенъ и заключаетъ въ себѣ особливыя красоты. *Г. Сумароковъ* приписалъ ей притчу и оду Анакреонтическимъ стихосложеніемъ писанную, въ которыхъ со обыкновенною пріятностію въ слогѣ, дѣлаетъ онъ ей наставленіе и *поощряетъ къ стихотворству*. Изъ чего заключить можно, какой похвалы достойна сія особа, и что имя Россійской де ля Сюзы ей приписываемое забвенно не будетъ." Кн. Голицынъ въ Словарѣ, слѣдуя „Историческому Розысканію" г. Неустроева (1874 г.), указываетъ пять стихотвореній Херасковой въ „Полезномъ увеселеніи". Позднѣе въ 1772 г. она помѣстила еще свое сочиненіе въ журналѣ „Вечера", изданіе которыхъ Л. Н. Майковъ приписываетъ также Хераскову, а не Василію Майкову, какъ думалъ г. Неустроевъ (см. Л. Н. Майкова: 1) О жизни и сочиненіяхъ В. И. Майкова, 1867 г. и 2) Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики, 1876 г.). Въ московскихъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, по указанію Новикова въ Словарѣ, принимала участіе „весьма изрядными стихотвореніями" Ржевская, скончавшаяся на 29 г., въ 1769 г. Въ настоящее время трудно возстановить, что именно принадлежитъ Ржевской въ журналахъ; но, несомнѣнно, что эта первая супруга Алексѣя Ржевскаго,—одного изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ Хераскова, съ 1760 г.,—урожденная Каменская, помѣщала свои стихотворенія въ журналахъ Хераскова. Ее не слѣдуетъ смѣшивать со второй супругой Ржевскаго, Глафирой

Ивановной, первой воспитанницей Смольнаго монастыря, Памятныя записки которой помѣщены въ Русскомъ Архивѣ 1871 г. № 1. Намъ кажется, этой ошибки не избѣжалъ кн. Голицынъ въ своемъ Словарѣ, дѣлая подробныя ссылки на Сочиненія Державина съ объясненіями Я. К. Грота. Въ этихъ объясненіяхъ говорится или о самомъ Ржевскомъ, или о его второй супругѣ. Наше предположеніе объ участіи первой супруги Ржевскаго (вышедшей замужъ въ 1766 г.), урожденной Каменской, въ журналахъ Хераскова подтверждается „Извѣстіемъ о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ" Дмитревскаго, 1768 г. (Матеріалы для исторіи русской литературы, изд. П. А Ефремова, стр. 142): „Нѣкоторыя изъ нашихъ дамъ тоже оказали отечеству услуги, стоящія похвалы. Такъ супруга *Хераскова* напечатала нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній въ московскомъ университетскомъ журналѣ. Дѣвица *Каменская*, дочь камергера, написала также нѣсколько подобныхъ очень хорошихъ произведеній. Нѣсколько очень удачныхъ сочиненій княгини Катерины Дашковой помѣщено въ московскомъ журналѣ: Невинное препровожденіе времени." Замѣтимъ, что этотъ послѣдній журналъ выходилъ „подъ покровительствомъ кн. Е. Р. Дашковой." Л. Н. Майковъ высказалъ основательное предположеніе о трудахъ кн. Дашковой въ „Невинномъ Упражненіи" (Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики, стр. 25). Что касается Ржевской—Каменской, то указаніе „Извѣстія" показываетъ отношеніе Каменской къ кружку Хераскова и его жены.

Къ этому же кружку, отчасти и по родственнымъ отношеніямъ, принадлежали еще княжна Екатерина Урусова, княжна Варвара Трубецкая, Александра Хвостова, и друг. Всѣ эти писательницы были большими почитательницами Хераскова (ср. Сочиненія Державина, IX т., 235 стр., прим.). Нѣкоторыя изъ нихъ получили и образованіе въ домѣ Хераскова. Ихъ пристрастіе къ занятіямъ литературой поддерживалось не только Херасковымъ, но и Сумароковымъ. Однако нѣкоторые выдающіеся писатели, какъ Державинъ, Майковъ, относились нѣсколько насмѣшливо и даже недовѣрчиво къ этимъ „стихотворицамъ"—женщинамъ писательницамъ изъ кружка Хераскова. Такъ Державинъ въ своихъ Запискахъ (Сочиненія, VI т., 539 стр.) разсказываетъ, какъ кн. Вяземская собиралась „выдать за него въ замужество княжну Катерину Сергѣевну Урусову, славную стихотворицу того времени... Но онъ отшутился отъ этого предложенія, сказавъ, что

она пишетъ стихи, да и я мараю, то мы все забудемъ, что и щей сварить некому будетъ.“ Почти тоже передаетъ Макаровъ въ Дамскомъ журналѣ по поводу Херасковой. Извѣстный авторъ „Елисея“ Майковъ высказывалъ подозрѣніе, что никогда нельзя рѣшить, кто писалъ сочиненіе, подъ которымъ стоитъ подпись жены или родственницы писателя—сама ли подписавшаяся сочинительница, или ей помогалъ мужъ или родственникъ писатель: „за женъ мужья, а за дщерей родители. Хераскова щегольская барынька да еслибъ писать ей, то у мужа не было бы и щей хорошихъ: онъ пишетъ, она пишетъ, а кто же щи-то сваритъ?“

Переходимъ къ писательницамъ, участвовавшимъ въ сатирическихъ журналахъ, начиная со Всякой Всячины 1769 г., и особенно остановимся на отношеніи къ писательницамъ Новикова. Въ настоящее время представляется не легкимъ дѣломъ указать статьи въ сатирическихъ журналахъ прошлаго вѣка, принадлежащія перу писательницъ, назвать ихъ имена, которыя почти совсѣмъ отсутствуютъ въ журналахъ. Между тѣмъ въ сатирическихъ журналахъ нерѣдко встрѣчаются статьи и стихи, въ которыхъ рѣчь идетъ отъ лица женщины, или затрагивается вопросъ о писательницахъ. Исключеніе составляютъ только статьи Екатерины Великой, въ которыхъ рѣчь идетъ отъ лица мужчины. Изъ писательницъ, участвовавшихъ въ сатирическихъ журналахъ, мы можемъ назвать, кромѣ Екатерины Великой и кн. Дашковой: Сушкову (урожденную Храповицкую), подписавшуюся подъ одной статьей въ Живописцѣ Новикова—„Любительница Живописца Сахороднаго двора. М. С.“ (т. е. Марія Сушкова,—Живописецъ, 1772 г., изд. 2, стр. 77); далѣе—Титову Наталью Ивановну, которая, по словамъ Макарова, участвовала въ журналахъ: Всякая Всячина, Трутень и Парнасскій Щепетильникъ; Екатерину Петровну Свиньину, помѣстившую въ Живописцѣ 1772 г. (2 изд., стр. 83 и д.) переводъ съ подписью „вашъ покорный слуга К. С.“ (Словарь кн. Голицына, стр. 223); наконецъ назовемъ княженъ Голицыныхъ, помѣстившихъ статьи въ изданіи Новикова—Покоящійся Трудолюбецъ 1785 г. Быть можетъ, къ числу же сотрудницъ въ сатирическихъ журналахъ относятся: Вельяшева—Волынцева, Зубова и княжна Урусова. Новиковъ въ своемъ Словарѣ 1772 г. отзывается о стихотвореніяхъ и статьяхъ этихъ писательницъ съ такой же похвалой, какъ и о сочиненіяхъ Храповицкой (Сушковой), не упоминая о ея сотрудничествѣ въ Живописцѣ.

Мы остановимся на нѣкоторыхъ статьяхъ въ сатирическихъ журналахъ, въ которыхъ выступаютъ писательницы. Беремъ прежде всего „Всякую Всячину“ 1769 вмѣстѣ съ „Барышкомъ“ 1770 г. На стр. 43—45 находимъ интересное письмо, составленное несомнѣнно женщиной, подписавшейся подъ письмомъ къ Сочинителю „Любительницею вашея Всякія Всячины.“ Интересны слѣдующія мѣста въ этомъ письмѣ „Сочинительницы:“ „критика нашему полу ни мало не прилична“... „не всякая, сударь, изъ насъ можетъ разсуждать о Лейбницѣ и Невтонѣ; но какъ женщина такъ же, какъ и мужчина, есть одаренное разумомъ твореніе, то хорошее писаніе отъ худаго отличить умѣетъ.“ Въ этомъ письмѣ сочинительница критикуетъ поставленную на театрѣ переводную піесу, подъ названіемъ „Тесть и Зять“ (вѣроятно, переводъ Владиміра Лукина. См. Роспись Смирдина. стр. 555, № 7380). Редакція „Всякой Всячины“ въ прибавленіи къ письму сочинительницы заступилась за переводчика піесы. На стр. 124—127 неизвѣстный авторъ, подписавшійся „Терпишкинымъ“, вооружается противъ ученыхъ женщинъ, „ударившихся въ вышнія науки:“ „какое есть сходство, спрашиваетъ онъ редакцію въ заключеніи своего письма, между дворяниномъ, который шьетъ, да конфекты варитъ, и женщиною, которая упражняется въ Маѳиматикѣ, Астрономіи, военной наукѣ и проч.“ Извѣстно, что подобный взглядъ на ученыхъ женщинъ раздѣляла и Екатерина Великая (см. Сочиненія Державина т. I изд. 2. 1868 г. стр. 98), принимавшая дѣятельное участіе въ первомъ сатирическомъ журналѣ „Всякая Всячина.“ Пекарскій давно уже указалъ (Матеріалы для исторіи журнальной дѣятельности Екатерины II, стр 2—4), что письмо, помѣщенное во Всякой Всячинѣ на стр. 276—280 и подписанное „Патрикій Правдомысловъ“, принадлежитъ Императрицѣ Екатеринѣ Великой. На стр. 145—146 писательница, подписавшаяся „Н. Пѣтухова“, пишетъ въ редакцію: „я читала въ одномъ листѣ вашихъ сочиненій писмо, писанное къ вамъ одною женщиною, и вздумала послѣдовать ея примѣру съ тою отмѣною, что та просила вашего совѣта, а я болѣе того; я помощи вашей испрашиваю, къ сохраненію однимъ женщинамъ данныхъ правъ“. Подъ послѣдними сочинительница, подсмѣиваясь надъ щеголями, разумѣетъ—право румяниться. Взглядъ Всякой Всячины на т. н. женскій вопросъ особенно рѣзко выражается въ статьѣ на стр. 219: „Когда я означу присутственное мѣсто, куда женщинамъ съѣзжаться, тогда я

предпишу имъ, о чемъ имѣть разсужденія", и далѣе предлагаются слѣдующіе предметы разсужденія: „о воспитаніи своихъ дѣтей, о лучшемъ порядкѣ въ домѣ, о способахъ безъ брани и безъ драки воздерживать людей ото всякихъ неистовствъ, какъ скромностью и снисхожденіемъ угождать мужу, о убавленіи роскоши", и т. п. Этотъ взглядъ вполнѣ совпадаетъ съ вышеприведеннымъ взглядомъ на ученыхъ женщинъ; онъ совпадаетъ и съ общимъ взглядомъ на женское образованіе, выразившимся въ учрежденіи Смольнаго монастыря. На стр. 256 редакція возвращается къ вопросу, поднятому въ письмѣ г-жи Любопытной, и предлагаетъ вмѣсто „охоты имѣть присутственное мѣсто, завести общество благоразумныхъ женщинъ" и этимъ доставить „упражненія, приличныя любезной половинѣ человѣческаго рода". На стр. 550 редакція сообщаетъ, что „госпожа Клеопатра Зинзова прислала къ намъ двои стихи", и проч. Современное изученіе сатирическихъ журналовъ прошлаго вѣка указываетъ въ нихъ много переводныхъ статей изъ иностранныхъ журналовъ; намъ кажется, что это не мѣшаетъ опредѣлять взгляды журналовъ на общественные вопросы, такъ какъ уже въ выборѣ извѣстной статьи проявляется сочувствіе или несочувствіе извѣстному вопросу.

Переходимъ къ „Трутню"—Новикова 1769—70 гг. (ссылки будемъ дѣлать по извѣстному изд. г. Ефремова, 1865 г.). Въ листѣ XXXV 1769 г., по всей вѣроятности, самъ Новиковъ характеризуетъ своихъ читателей и, между прочимъ, женщинъ: „Миловида, при плѣняющей всѣхъ красотѣ, одарена острымъ разумомъ (въ такихъ выраженіяхъ характеризуетъ Новиковъ и въ Словарѣ 1772 г. Храповицкую—Сушкову и Хераскову). Она часто смѣется описаннымъ въ Трутнѣ портретамъ, и ей онъ нравится... Разумная Постана, читая мои листы, разсуждаетъ здраво и безпристрастно судитъ; она хвалитъ то только, что заслуживаетъ похвалу; и я симъ доволенъ", и проч. Въ Трутнѣ на 1770 г., въ листѣ III писательница, помѣстившая уже раньше нѣсколько портретовъ, даетъ рядъ новыхъ портретовъ. Но особенно богаты статьями писательницъ листы XII, XIII и XIV. Интересно слѣдующее письмо редактора къ „госпожѣ молодой сочинительницѣ." Быть можетъ, въ немъ открывается взглядъ Новикова, хвалявшаго писательницъ въ своемъ Словарѣ, но невыдѣлявшаго ихъ изъ ряда писателей: „Я, сударыня, не вѣдалъ, что вы самолюбивы, хотя и вѣдалъ изъ письма вашего, что вы женщина. Вы объявили себя молодою сочинительницею, и такъ за нужное почелъ малыя ваши погрѣшности исправить. Вы жалуетесь, что я женской вашъ слогъ испортилъ.— Увѣдомьте меня, сударыня, что вы разумѣете подъ словомъ *женской слогъ*; то ли, что женщинамъ и въ писаніяхъ погрѣшности прощать надлежитъ, или только то, что ваше письмо написано слогомъ женщины неправильно говорящей, и съ позволеніемъ вашимъ, свойствъ и правилъ рускова языка незнающей" (стр. 306).

Въ „Живописцѣ" Новикова на 1772 г. (ссылки дѣлаемъ по 2 изд.) находимъ „Письмо къ господину Живописцу", подписанное „вашъ охотный слуга, сочинитель комедіи о Время" и принадлежащее, какъ извѣстно, Императрицѣ Екатеринѣ II. По обычаю, авторъ говоритъ отъ лица мужчины: „Имяни своего я не скрываю: но и не напишу его, дабы въ первой разъ не явилось оно въ свѣтѣ въ заглавіи комедіи, что *для меня самого было бы комедіею*; а прибыли въ томъ ни кому нѣтъ, Карпомъ ли, или Сидоромъ меня зовутъ"... „Пишу я для собственной своей забавы: и если малыя сочиненія мои пріобрѣтутъ успѣхъ и принесутъ удовольствіе разумнымъ людямъ, то я тѣмъ весьма награжденъ буду" (стр. 45). Трудно сказать, что еще въ Живописцѣ можетъ принадлежать перу Екатерины Великой, которая въ томъ же письмѣ говоритъ: „Вы хотите, чтобъ я присылалъ къ вамъ какія нибудь мои сочиненіи; сіе съ охотою впредь я исполню" (стр. 46). Точно также трудно сказать, что можетъ еще принадлежать въ Живописцѣ перу М. Сушковой (Храповицкой), обѣщавшейся въ извѣстномъ письмѣ (стр. 77 и д.) „вдругорядь прислать что нибудь лучшее." Не даромъ Новиковъ въ своемъ Словарѣ 1772 г. расхвалилъ М. Храповицкую—„дѣвицу острымъ и просвѣщеннымъ разумомъ и великою прилѣжностію къ ученію одаренную" и проч. Дѣйствительно, Сушкова въ своемъ письмѣ является защитницей училищъ, ученыхъ людей, печати; журналъ Новикова она называетъ „дѣломъ столь полезнымъ для общества, достойнымъ трудомъ, за который потомство останется благодарнымъ" (79 стр.). Сушкова говоритъ о ненавистницахъ наукъ, разумѣя подъ ними столько же женщинъ староманерныхъ, сколько и новоманерныхъ—щеголихъ, жеманихъ. Но были еще и такія женщины, даже писательницы, которыя говорили противъ „безполезныхъ знаній", „ложной учености, которая помрачаетъ разумъ, вноситъ въ него вмѣсто свѣта ночной мракъ". Таковы были взгляды, между прочимъ, княжны Урусовой, выразив-

шіеся въ ея поэмѣ 1774 г. „Поліонъ“ (Чтенія Общества Исторіи и Древностей, 1878 г., кн. 3, стр. 353 ид. г. Губерти). „Нелѣпой учености“ кн. Урусова противополагаетъ „образованіе сердца“ и такимъ образомъ примыкаетъ къ одному изъ господствующихъ направленій своего времени.

Переходимъ къ Державину и его отношенію къ писательницамъ. Мы уже привели выше отзывъ Державина о стихотвореніи кн. Урусовой. Такъ же насмѣшливо выразился Державинъ и о кн. Дашковой, назвавъ ее „бабой и мужикомъ“ (Сочиненія Державина, III, 350). Точно также въ одѣ 1788 г. „На смерть графини Румянцевой“ Державинъ въ числѣ высокихъ качествъ покойной отмѣтилъ:

Когда не ищешь вышней власти
И первою въ вельможахъ быть

пояснивъ въ своихъ объясненіяхъ къ этой одѣ: „княгиня Дашкова была честолюбивая женщина и добивалась перваго мѣста при Государынѣ, даже желала засѣдать въ Сенатѣ“ (Сочиненія Державина, I т., 2-ое изд., 1868 г., стр. 155). Очевидно поэтъ держался взгляда, ограничивающаго дѣятельность женщинъ; быть можетъ, онъ не вполнѣ примирялся и съ тѣмъ высокимъ положеніемъ, какое занимала кн. Дашкова во все время царствованія Екатерины II, какъ предсѣдательница Академіи Наукъ, какъ членъ и предсѣдательница Россійской Академіи. Однако въ области литературы Державинъ признавалъ права участія женщины и даже вызывалъ это участіе. Съ своей стороны писательницы, со времени славы Державина, какъ автора „Фелицы“, преклонялись передъ его талантомъ. Появленіе „Фелицы“ Державина еще въ рукописяхъ подало кн. Дашковой мысль основать при Академіи журналъ „Собесѣдникъ любителей Россійскаго Слова“ 1783—84 гг., въ редактированіи котораго приняла дѣятельное участіе и сама императрица. Кромѣ многочисленныхъ и большихъ статей Екатерины II, каковы „Записки касательно Россійской Исторіи“, „Были и Небылицы“, кромѣ сочиненій кн. Дашковой (напр. стихотворнаго „Посланія къ слову такъ“) въ Собесѣдникѣ находятся сочиненія и другихъ писательницъ, какъ Храповицкой-Сушковой. Послѣдняя помѣстила въ V части Собесѣдника стихотворное „Письмо китайца къ Татарскому Мурзѣ“ (т. е. къ Державину, автору „Фелицы“) при письмѣ, подъ которымъ подписалась „М. С.“. Издатели Собесѣдника приложили къ стихамъ „сочинительницы“ благодарность ей за „такія прекрасныя сочиненія, служащія

къ удовольствію просвѣщенной публики.“ Въ IX части Собесѣдника М. Сушкова помѣстила „Стансы на учрежденіе Россійской Академіи“ при письмѣ, въ которомъ высказала слѣдующее: „участвуя по склонности моей въ успѣхахъ знаменитыхъ нашихъ писателей, осмѣливаюсь, по сему одному праву, присоединить слабый гласъ неизвѣстной еще Музы, ко звукамъ ихъ сладостнаго пѣнія“ (стр. 18—19). Въ самыхъ „Стансахъ“ интересно слѣдующее обращеніе къ Дашковой:

„А Ты, сотрудница писателей почтенныхъ,
Честь пола Твоего, свершай толь славный путь;
Любительница Музъ, тебѣ препорученныхъ,
Участвуй въ ликѣ ихъ, и имъ красою будь:
Чудесное въ сей вѣкъ и новое явленье,
Въ тебѣ, о Дашкава, ученый видитъ свѣтъ;
Минерва нашихъ дней, *гоня предразсужденье*,
Достоинствамъ твоимъ награду подаетъ.

Это обращеніе М. Сушковой къ кн. Дашковой, это упоминаніе о „новыхъ явленіяхъ“ и „предразсужденіяхъ“ показываютъ замѣчательную широту взглядовъ Сушковой—Храповицкой, на что мы имѣли случай указать и въ ея статьѣ, помѣщенной въ Живописцѣ Новикова. Однако нельзя при этомъ не замѣтить, что Сушкова, обращаясь напримѣръ къ Державину, подъ именемъ Мурзы, хвалитъ не поэта, а восхваляетъ воспѣтую имъ Фелицу. Братъ М. Сушковой, извѣстный секретарь императрицы, М. В. Храповицкій, прославлялъ также кн. Дашкову въ Собесѣдникѣ, называя ее „начальницей Парнасса“ (XVI ч., стр. 8), „предсѣдательницей Музъ“, „наперстницей Музъ“; „ввѣренъ Дашковой Парнасъ“ (VI ч., стр. 19, 22). Неизвѣстный авторъ въ XIV ч. Собесѣдника (стр. 145—146) восхвалялъ также Дашкову за то, „что стараніемъ какой-то Любительницы Музъ, Россійскія словесныя науки пріидутъ вскорѣ въ такое совершенство, какому удивляемся мы у другихъ народовъ.“ Державинъ называетъ Дашкову въ 1790 г. также „Аполлономъ“ (Сочиненія III т., 350 стр.). Но отношеніе поэта къ писательницамъ особенно ярко выражается во время его губернаторства въ Тамбовѣ (1785—1789 г.). Въ Тамбовѣ около поэта впервые образовался кружокъ образованныхъ женщинъ писательницъ: то были Нилова, напечатавшая въ Тамбовской типографіи, основанной Державинымъ, свои переводы съ нѣмецкаго и французскаго языковъ; Орлова, напечатавшая тамъ же свой переводъ съ фран-

цузскаго съ посвященіемъ Ниловой; княгиня Варвара Голицына, напечатавшая въ Тамбовской же типографіи свой переводъ съ французскаго. Къ этимъ же тамбовскимъ писательницамъ, быть можетъ, относится и Муравьева—Апостолъ, напечатавшая, по указанію г. Губерти (Хронологическое Обозрѣніе русскихъ книгъ, II, № 166), въ Тамбовѣ переводный романъ съ французскаго „Примѣръ матерямъ“ (кн. Голицынъ въ Словарѣ, стр. 175 не указываетъ мѣста изданія этого романа). Это общество образованныхъ женщинъ, къ которому принадлежали и многія другія, кромѣ названныхъ писательницъ, группировавшееся около Державина и его первой жены, интересовавшейся литературой (она помогала мужу въ переводахъ съ французскаго языка, собирала его сочиненія въ сборники и даже писала стихи), предавалось занятіямъ литературой и театральными представленіями. Въ обширной перепискѣ Державина мы часто встрѣчаемъ письма этихъ женщинъ. Изъ числа послѣдовательницъ Державина въ поэзіи назовемъ дѣвицу Поспѣлову, которая подражала пѣвцу Фелицы во многихъ своихъ стихотвореніяхъ (Отечественныя Записки 1824 г., XVII ч., 198—199 стр.).

Намъ остается указать отношеніе русскихъ писательницъ XVIII в. къ издателямъ московскихъ журналовъ въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка: къ Подшивалому, Сохацкому и Карамзину. Съ 1791 г. по 1794 г. при Московскихъ Вѣдомостяхъ, подъ руководствомъ Подшивалова, а затѣмъ и подъ его редакціей, выходилъ журналъ „Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій.“ Продолженіемъ этого журнала явилось „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ съ 1794 г. по 1799 г., при чемъ съ 9 книжки, кромѣ Подшивалова, принялъ участіе въ редакціи Сохацкій. Наконецъ въ 1799 г., при Московскихъ же Вѣдомостяхъ, издавался Сохацкимъ журналъ „Ипокрена.“ Во всѣхъ этихъ журналахъ участвовало множество писательницъ. Такъ, напримѣръ, по Словарю кн. Голицына, можно отмѣтить двадцать писательницъ въ одномъ журналѣ „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ и одиннадцать писательницъ въ „Ипокренѣ“ 1799 г., при чемъ количество статей нѣкоторыхъ писательницъ, помѣщенныхъ въ этихъ журналахъ, доходитъ до 20. Почти всѣ труды писательницъ, участвовавшихъ въ журналахъ Подшивалова и Сохацкаго, ограничиваются или переводами (съ французскаго и нѣмецкаго языковъ), или небольшими стихотвореніями. Большая часть этихъ писательницъ были связаны или родствомъ, или знакомствомъ съ писателями; а нѣкоторыя изъ нихъ были связаны общимъ сотрудничествомъ: такъ, княжна Щербатова сотрудничала вмѣстѣ съ сестрами Магницкими и Боске въ переводахъ изъ Дюпаи; и нѣкоторыя статьи ихъ подписаны однимъ и тѣмъ же мѣстомъ занятій: „село Утѣшеніе, на р. Истѣ.“ Такъ точно Кологривова занималась переводами вмѣстѣ съ Баскаковой. На занятія литературными трудами въ деревенскомъ уединеніи указываетъ, кромѣ вышеприведенной подписи, еще подпись Неѣловой „село Желень.“ Въ родственныхъ отношеніяхъ стоятъ сестры Магницкія, сестры Свиньины; писательница Жукова—сестра писательницы Неѣловой и супруга поэта Жукова. Такъ и Подшивалова, помѣстившая переводъ извѣстнаго романа де-Сенъ-Пьера „Павелъ и Виргинія“ въ „Чтеніи для вкуса“, и проч., является супругой редактора названныхъ нами журналовъ—Подшивалова. Владиміръ Измайловъ, помѣстившій въ Вѣстникѣ Европы 1814 г. (часть LXXVI, стр. 25—40) статью „О жизни и сочиненіяхъ Подшивалова“, говоритъ слѣдующее о его супругѣ: „онъ (Подшиваловъ) женился на любезной женщинѣ немолодыхъ уже лѣтъ, но добрыхъ свойствъ, съ хорошимъ воспитаніемъ и со многими знаніями. Подруга, достойная раздѣлять съ чувствительнымъ человѣкомъ судьбу его жизни и прелесть его уединенія, есть конечно рѣдкое, но за то первое счастіе въ мірѣ. Нашъ литераторъ нашелъ въ ней не только добрую хозяйку, но и милую участницу въ его трудахъ“ (стр. 31). Тутъ же, въ примѣчаніи Измайловъ замѣчаетъ: „она выдала изрядный переводъ одного изъ лучшихъ романовъ: Paul et Virginie. Есть много и другихъ ея переводовъ довольно хорошихъ.“ Въ Словарѣ кн. Голицына нѣтъ указаній на другіе переводы Подшиваловой; но мы полагаемъ, что ей принадлежатъ еще многія статьи въ журналѣ „Чтеніе для вкуса“, подписанныя, какъ и переводъ „изъ сочиненій Г. Сенъ-Пьера“, буквой А. Измайловъ, хорошо знавшій Подшивалова и бывшій его ученикомъ по Московскому Университету, замѣчаетъ еще, что „одна благородная дѣвушка, извѣстная по ея стихамъ и прозѣ, также ученица его“ (стр. 29), а о самомъ Подшиваловѣ говоритъ, что „онъ почитался лучшимъ въ свое время переводчикомъ“ (стр. 32). Кромѣ жены Подшивалова въ его журналѣ „Чтеніе для вкуса“ принимала участіе еще Екатерина Свиньина, подписавшаяся буквами К. С. Въ 8 части „Чтенія“, на стр. 202, редакторъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе къ

ея переводу: „мы благодаримъ почтенную переводчицу за доставленіе сихъ піесъ, и просимъ не лишать насъ, естьли можно, присылкою и впредь таковыхъ же“. То же онъ повторяетъ въ 9 части, на стр. 307. Въ журналахъ Подшивалова и Сохацкаго участвовали и почитательницы Хераскова (Магницкія, кн. Урусова, и друг.), и послѣдовательницы новаго сентиментальнаго направленія, яркимъ представителемъ котораго въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія является Карамзинъ. Нѣкоторыя изъ этихъ писательницъ участвовали въ Московскомъ Журналѣ 1791 г. Карамзина, въ его Аонидахъ. Послѣдовательницей же этого новаго направленія является Хвостова, помѣстившая одинъ изъ своихъ поэтическихъ „Отрывковъ“, подъ названіемъ „Каминъ“, въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“ 1795 г. На долю этой писательницы выпала въ свое время громкая извѣстность. Ея „Отрывки. Каминъ и Ручеекъ. 1796 г.“ разошлись въ теченіе одного года въ количествѣ 2400 экз.; затѣмъ были переведены на французскій языкъ (вышли 3 изданія), на нѣмецкій и англійскій. Чувствительная писательница оплакиваетъ въ этихъ стихотвореніяхъ своего покойнаго отца и переносится изъ своего родного села Вѣйны, въ которомъ она создавала свои произведенія, то въ Кіевъ, то въ „каменистую Финляндію“; при этомъ она обращается то къ образамъ Оссіана, то къ мечтательнымъ представленіямъ о своей одинокой могилѣ. Но тоскующая безутѣшная писательница, выступившая въ концѣ XVIII ст., умерла на 86 году, въ 1853 году.

Извѣстный Вигель въ своихъ Воспоминаніяхъ (часть II, изд. 1864 г., стр. 231—234) даетъ „пріятное изображеніе“ Хвостовой, пересыпая его по мѣстамъ обычными ѣдкими замѣчаніями. Приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ этой характеристики Хвостовой, сдѣланной Вигелемъ. „По французски писала развѣ только хуже Севинье, голосъ имѣла очаровательный и въ свое время была первою въ столицѣ музыканткой и пѣвицей. Собою была не хороша, смолода круглый носъ ея начиналъ уже синѣть... И придворные, и дипломаты, и писатели, и Русскіе, и иностранцы, всѣ были у ногъ ея; она была молода въ царствованіе Екатерины, когда съ прекрасными манерами легкое поведеніе извинялось въ женщинахъ.“ Ея вечера напоминали „ученопріятныя собранія“ госпожъ Дюдефанъ и Жофренъ: „плохое освѣщеніе и скверный ужинъ довершали сходство съ вечерами этихъ парижскихъ дамъ“. „Въ двухъ цвѣткахъ, въ двухъ незабудкахъ, ею про-

изведенныхъ, *Каминъ* и *Ручейкъ*, скорѣе Карамзинъ могъ служить ей образцомъ и одобреніемъ; однакоже и то ложно, что онъ помогалъ ей въ ихъ сочиненіи (повтореніе взгляда на писательницъ В. Майкова); новыя живыя идеи, небрежность съ коей они изложены и самыя ошибки противъ грамматики составляютъ всю ихъ прелесть.„ Прибабавимъ, что четвертое изданіе этихъ произведеній Хвостовой явилось въ 1844 г.

Мы остановимся еще на участіи русскихъ писательницъ XVIII в. въ журналахъ Карамзина и Пнина. Въ „Московскомъ Журналѣ“ Карамзина (1791 г., III ч., 128—131 стр.) находимъ „Стихи госпожѣ Ан.“, подписанныя—въ (А. Петровъ) и „Отвѣтъ ея.“ Петровъ заключаетъ свои стихи:

Люби ты *чтеніе*, люби въ наукахъ *свѣтъ* *)
Намъ щастливымъ быть иного средства нѣтъ.

Въ „Отвѣтѣ ея“ писательница отвѣчаетъ:

Когда ты лестную хвалу мнѣ соплетаешь
Напрасно ты меня прекрасной называешь...
Душевна красота одна меня плѣняетъ;
Такою красотой хочу блистать всегда;
Сіяніе ея не меркнетъ никогда.

Въ „С.-Петербургскомъ Журналѣ“ 1798 г. (февраль, стр. 132) находимъ интересное примѣчаніе редактора Пнина: „Сіи и также еще нѣкоторые стихи, кои въ слѣдующихъ мѣсяцахъ помѣщены будутъ, получилъ я отъ одной дѣвицы М.—Они суть плоды свободнаго ея времени, любви къ упражненію.—Рѣдкій примѣръ между дѣвицами нашего времени!—Рѣдкія достоинства!—Вездѣ излито чувство, плѣняющее сердце!—Всюду видна душа, исполняющая читателя нѣжнѣйшихъ ощущеній!—Прискорбно, очень прискорбно, что скромность ея лишаетъ насъ удовольствія узнать ея имя!“—Это примѣчаніе характеризуетъ отношеніе нѣкоторыхъ журналовъ къ литературному труду русскихъ писательницъ не только въ XVIII ст.; но и въ первой четверти XIX ст., когда появлялись „Дамскіе Журналы“, „Журналы для милыхъ“, и проч.

Въ заключеніе сдѣлаемъ еще нѣсколько общихъ замѣчаній о русскихъ писательницахъ XVIII в., имѣя въ виду не столько такихъ

*) Курсивъ въ подлинникѣ.

извѣстныхъ выдающихся писательницъ, какъ Екатерина Великая, сколько писательницъ малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ.

Скажемъ прежде всего объ отношеніи числа писательницъ къ числу журналовъ во второй половинѣ XVIII ст. Къ 50-мъ годамъ относится литературная дѣятельность одной изъ первыхъ писательницъ, Сумароковой—Княжниной; въ это время извѣстны три—четыре журнала съ литературнымъ содержаніемъ. Въ 60-хъ годахъ, когда число журналовъ доходитъ до 16, число писательницъ восходитъ до семи. Въ 70-хъ годахъ, при 22 журналахъ, извѣстны уже десять писательницъ; въ 80-хъ годахъ, при 40 журналахъ, извѣстны пятнадцать писательницъ и наконецъ въ 90-хъ годахъ, при 30 журналахъ, число писательницъ восходитъ до 44. Конечно, увеличеніе числа писательницъ къ концу XVIII ст. зависѣло уже отъ совокупнаго дѣйствія нѣсколькихъ условій; но, безъ сомнѣнія, до 90-хъ годовъ развитіе русской журналистики имѣло особенное значеніе по отношенію къ увеличенію числа русскихъ писательницъ.

Мы уже не разъ имѣли случай замѣтить, что писательницы являлись не только въ столицахъ, но и въ провинціи. Такъ въ Рязани кн. Волконская образовала нѣчто въ родѣ литературнаго общества, въ которомъ произнесла „Рѣчь о вліяніи женщинъ на изящныя искусства“; въ Тамбовѣ трудятся надъ переводами Нилова, Орлова и кн. Голицына; во Владимірѣ является поэтесса, дѣвица Поспѣлова; въ Кіевѣ—знаменитая кн. Наталья Борисовна Долгорукая, написавшая записки о своей многострадальной судьбѣ въ 1767 г., будучи монахиней въ женскомъ Фроловскомъ монастырѣ. Даже въ отдаленномъ Тобольскѣ является писательница Сумарокова, сестра издателя журнала „Иртышъ.“

Почти всѣ русскія писательницы XVIII в. принадлежатъ къ высшему обществу. Но прежде всего слѣдуетъ назвать царственныхъ писательницъ. Кромѣ императрицы Екатерины II писательницей является еще великая княгиня, Александра Павловна, помѣстившая нѣсколько переводовъ въ журналѣ Мартынова „Муза“ въ концѣ XVIII ст. Затѣмъ слѣдуютъ писательницы княгини: Дашкова, Волконская, Долгорукова, Голицына, Меньшикова; княжны: Оболенская, Щербатова, Урусова, Шаликова и много другихъ урожденныхъ княженъ и графинь. Едва ли не одна дѣвица Поспѣлова относится къ числу писательницъ изъ небогатой, незнатной среды. Мы приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ статьи „Отечественныхъ Записокъ“ 1824 г. (часть XVII, стр. 185 и д.) „О жизни и сочиненіяхъ дѣвицы Поспѣловой“:

„Поспѣлова представляетъ рѣдкій примѣръ природныхъ способностей. Дочь небогатаго чиновника, въ семействѣ многочисленномъ, среди четырехъ сестеръ и пяти братьевъ, возрастая, какъ она пишетъ, въ углу маленькаго домика, но имѣя отца, котораго нѣжность и добродѣтели не только дѣлали ихъ счастливыми, но развивая вкругъ его радость и благодарность, она сама образовала себя, сама пріуготовила блестящую стезю своему имени. Не имѣя другихъ учителей, кромѣ полезныхъ книгъ, собираемыхъ отъ послѣднихъ средствъ отцемъ попечительнымъ, кромѣ собственной склонности и усилія торжествующей прилѣжности; неопытная въ правилахъ Поэзіи и языка, она стала Поэтомъ, обогатила умъ свѣдѣніями въ наукахъ, совершенно знала французскій языкъ,—и по вкусу къ изящному безъ учителей такъ успѣла въ музыкѣ и рисованьи... Одинъ изъ родственниковъ, желая ободрить ее, издалъ въ 1798 г. на свой счетъ собраніе написанныхъ ею піэсъ. Книга сія названа ею: „Лучшіе часы жизни моей“.. Одинъ изъ почтенныхъ московскихъ дворянъ, человѣкъ очень богатый и уже въ лѣтахъ, читалъ книжку: „Лучшіе часы“. Любопытствовалъ видѣть Автора, и увидя—забылъ неравенство состоянія и лѣтъ, предложилъ ей руку, желая раздѣлить богатство свое со всѣмъ ея семействомъ и обезпечить участь ея родныхъ. Предложеніе сіе не принято матерью, имѣвшею болѣе любви къ дочери, нежели желанія жить въ избыткѣ.“ Поспѣлова скончалась на 22 году, въ 1805 г., въ Москвѣ.

Труды русскихъ писательницъ XVIII в. относятся къ разнообразнымъ областямъ литературы и науки. Таковы, впрочемъ, преимущественно многочисленные труды императрицы Екатерины II и отчасти кн. Дашковой. Большинство же русскихъ писательницъ ограничивались переводами и преимущественно сочиненіемъ стихотвореній. Что касается отношенія литературной дѣятельности писательницъ XVIII в. къ дѣятельности русскихъ писателей того же времени; то должно замѣтить, что очень немногія изъ писательницъ приближались до нѣкоторой степени къ дѣятельности писателей. Въ области поэзіи ни одна изъ писательницъ не могла возвыситься до дѣятельности лучшихъ писателей: мы не можемъ назвать ни одного стихотворнаго произведенія писательницъ XVIII в., которое можно бы

было поставить рядомъ съ лучшими произведеніями Ломоносова, Державина, Дмитріева, и друг. Такимъ образомъ, изученіе литературной дѣятельности русскихъ писательницъ XVIII в. имѣетъ для насъ исключительно историческое значеніе.

П. Владиміровъ.